

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

ЕЁ УЖЕ ХОРОНИЛИ

РОМАН

Арион Арион

Её уже хоронили

<https://litres.ru/74363879>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двенадцать лет назад Ирину Ветрову похоронили после пожара в квартире 47. Теперь инженер Анна Савельева приезжает обследовать расселённую девятиэтажку перед сносом и находит там свежее тело Ирины. Рядом лежит телефон Дмитрия — мужа Анны, исчезнувшего полгода назад во время сплава.

До сноса дома — несколько дней. Пока полиция пытается понять, как официально погибшая женщина могла прожить ещё двенадцать лет, Анна сверяет старые планы с реальными стенами. Они не сходятся. В здании есть запечатанные пустоты, а кто-то знает маршруты Анны, подбрасывает ей слишком удобные улики и использует семейные фразы, которых не мог слышать посторонний.

Нынешнее убийство тянет за собой старый пожар и исчезновение человека у давней стройки. Следы один за другим ведут к прошлому Дмитрия. Чтобы добраться до правды, Анне придётся проверить не только дом, но и собственную память о муже. И успеть до того, как вместе со стенами исчезнет последнее доказательство.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	30
Глава 4	44
Глава 5	57
Глава 6	71
Глава 7	82
Глава 8	94
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Арион

Её уже хоронили

Глава 1

К девяти утра ветер сорвал с ограждения два листа профнастила. Они хлопали по стойкам с таким звуком, будто внутри расселённого дома кто-то без толку открывал и закрывал железную дверь.

Анна остановилась у ворот и ещё раз посмотрела назначение в телефоне. Каштановая, 17. Первичный осмотр. Фотофиксация дефектов, уточнение точек для сканирования. В календаре стояли её инициалы, хотя обычно первый проход делал Егор: он легче таскал прибор по лестницам и никогда не спорил, если на объекте не работал лифт.

Ничего странного. Егор вчера возился с сервером, Дмитрий когда-то настроил распределение выездов так, что календарь менялся без предупреждений. За последние полгода Анна привыкла обнаруживать его следы в самых обычных вещах — в шаблоне отчёта, в подписи под чертежом, в списке покупок, который телефон предлагал открыть возле магазина.

Утро началось с того, что она пять минут искала второй ключ от машины. Он лежал в прихожей, в деревянной миске

под перчатками Дмитрия. Автомобиль у реки нашли запертым, а основную связку — в маленьком внутреннем кармане гермомешка, закреплённого на каяке. Всё выглядело так, будто Дмитрий собирался вернуться: перед водой он всегда убирал ключи в мешок и дважды проверял застёжку.

Она взяла запасную и уехала, не убрав перчатки из миски.

По дороге Егор прислал голосовое: у него зависла обработка вчерашнего облака точек, он будет к десяти. Анна ответила, что начнёт без него. Лишь на парковке увидела, что назначение стояло на девять, а не на десять, как помнилось. Изменение было мелким. В компании их случались десятки: заказчик просил приехать раньше, диспетчер двигал окна, программа убирала наложения. Анна отметила расхождение и тут же отложила его в ту часть памяти, где хранились не проблемы, а вещи для последующей проверки.

Перед воротами она позвонила представителю подрядчика. Олег Березин не ответил. Его фамилия была в задании рядом с короткой пометкой: «доступ обеспечен». Анна оставила сообщение, что приступает к осмотру, и включила запись маршрута. Так она делала на любом пустом объекте. Не из страха — после провала пола в старом детском саду Дмитрий заставил всех носить трекеры и отмечать контрольное время. Теперь трекер лежал дома в ящике. Анна никак не могла зарядить его после поисков у реки: каждый сигнал на карте напоминал о красной точке, которая в тот день остановилась на берегу.

Она убрала телефон и показала пропуск охраннику.

— Савельева? — Он нашёл фамилию в мятом листе. —

Из «Каркаса»?

— Да. Кто-нибудь уже внутри?

— Только я. Подрядчики после обеда обещались. А вы разве не вдвоём?

— Разведка. Сканирование потом.

Охранник пожал плечами, отпер калитку и предупредил, что во втором подъезде течёт стояк. Анна подхватила серый футляр со сканером. Для разведки он был не нужен, но оставлять прибор в машине на улице она не любила. Дмитрий всегда смеялся: машину можно угнать вместе со сканером, и тогда её осторожность окажется особенно убедительной.

Дом стоял окнами к пустой площадке бывшего торгового центра. Сам центр так и не поднялся выше бетонной подземной коробки; потом её накрыли плитами и превратили в парковку. Между парковкой и девятиэтажкой тянулась низкая хозяйственная пристройка. По заданию следовало проверить, не связаны ли её конструкции с домом: подрядчик собирался снести всё за одну очередь.

Анна обошла торец. На плане пристройка касалась дома по прямой, но снаружи между стенами шёл неровный шов, заполненный раствором. Внизу раствор отличался по цвету: серый с синеватым оттенком, плотнее старой кладки. Она присела, соскоблила крошку в пакет и подписала место. Из-

за ограждения охранник следил за ней так, словно она собирала с земли окурки.

— Там всё намертво, — сказал он, когда Анна вернулась. — Ещё при торговом центре заливали. Машины ночью ходили, весь двор в грязи был.

— Вы тогда здесь работали или просто видели стройку?

— Жил вон в том доме. — Охранник показал подбородком через дорогу. — Лет двенадцать назад, может, больше. Ночами машины гремели, то воду откачивали, то грунт у них плыл. А потом рабочий пропал. Нам, конечно, никто не докладывал, со стройки он или из дома. Сказали: сам уехал, и разговор закрыли. Вы Березину позвоните, он всё знает.

— Уже.

— Если ответит, скажите ему, что бытовку обещал привезти. Я тут как собака в будке, а будки нет.

Анна записала фамилию охранника — Валерий Лобанов — и время разговора. Пропавший рабочий не относился к её обследованию. Но старые аварии начинались с историй, которые все считали чужими.

Анна сфотографировала трещину над входом, приложила к ней раскрытие шупа. Чуть больше миллиметра. Старая, края запылённые. Опасности не было, но в отчёт войдёт.

Внутри пахло мокрой штукатуркой и жильём, из которого вынесли людей, но не жизнь. На стене возле почтовых ящиков осталась детская наклейка с жёлтым динозавром. В нише лежал рекламный листок доставки, свежий, хотя подъезд

пустовал третью неделю.

— Эй! — крикнула Анна.

Ответил только дребезг листа снаружи.

Она поставила футляр на площадку, сняла общий вид, затем всё же открыла его. Если пройти лестницу с ручным сканированием сейчас, завтра не придётся повторять. Внутри прибор лежал ровно, фиксаторы защёлкнуты. На чёрной пене возле кабеля темнело маленькое масляное пятно. Анна провела пальцем — сухо. Наверное, след от перчатки Егора.

Сканер ожил, проверил уровень. Анна закрепила его на короткой треноге и начала подъём.

Перед первым сканом она прошла площадку ногами. Проверила простукиванием края плит, заглянула в щель между лестничным маршем и стеной. Пустота отвечала ровно. Дом не выглядел аварийным; опасность здесь была накопленной, привычной. Труба проржавела, шов раскрылся, кто-то залил трещину раствором и покрасил поверх. Через год другой человек увидел гладкую стену и решил, что так было всегда.

Дмитрий называл это наследованием чужой уверенности. В работе он никогда не принимал её на веру. Дома — принимал слишком легко.

Последний их спор начался именно с Каштановой. Анна принесла договор вечером, положила на кухонный стол. Дмитрий просмотрел адрес, перевернул страницу с приложением и спросил, кто дал цену. Она сказала: Березин. Дмитрий ответил, что сроки липовые, а подрядчик будет да-

вить на заключение. Ничего больше. Через два дня он уехал на сплав.

Тогда Анна решила, что его раздражает её самостоятельность. После исчезновения перебрала разговор по словам и не нашла ни предупреждения, ни просьбы отказаться от работы. Только привычное недовольство чужим расчётом.

На площадке второго этажа валялся раскрытый школьный дневник. Фамилию на обложке размыло водой, внутри красной ручкой было написано: «Нет подписи родителей». Анна подняла его носком ботинка, убедилась, что под ним нет отверстия в полу, и оставила на месте. В кухне одной из квартир стояла банка с окаменевшими солёными огурцами. На подоконнике другой — пустая клетка. Расселение всегда казалось ей поспешным даже тогда, когда людей предупреждали за год.

На третьем этаже путь перегораживала снятая дверь. На пятом под ногой хрустело стекло. В квартирах гулял сквозняк, хотя окна на лестнице были закрыты. Воздух протягивало через выбитые замки и вентиляцию.

Анна работала быстро. Ставила прибор, отмечала точку в планшете, пока шёл оборот, снимала углы и швы. Дом был типовой, конца восьмидесятых, но к нему дважды пристраивали хозяйственные помещения, а после пожара на восьмом этаже меняли стояки и часть перегородок. Именно такие исправления и создавали на бумаге аккуратное здание, которого в действительности не существовало.

На седьмом этаже позвонил Егор.

— Только не говори, что ты уже там.

— Уже. Дошла до восьмого, заканчиваю привязки.

— А календарь вечером посмотреть было нельзя? Я сейчас подъеду.

— Не надо. Завтра сделаем полный проход вдвоём, сегодня я только привяжу лестницу.

В трубке что-то щёлкнуло. Егор шумно выдохнул.

— Ты одна ходишь по пустому дому, а я должен сидеть здесь и спокойно пить кофе?

— Пей сидя.

— Очень смешно.

Обычно после таких слов он продолжал шутить, но теперь замолчал.

— Что? — спросила Анна.

— Ничего. Связь скачет. Если найдёшь привидение, не трогай руками.

— Я перчатки взяла.

Он отключился. Анна посмотрела на экран: сигнал был полный.

На восьмом этаже температура заметно упала. В конце коридора отсутствовало стекло, проём затянули плёнкой. Она надувалась от ветра, потом прилипала к раме. Квартиры здесь выгорели не все, но след старого пожара оставался: над дверью сорок седьмой штукатурка была темнее, чем вокруг, а номер прикрутили поверх новой краски.

Анна сверилась с поэтажным планом. После пожара здесь объединяли вентиляционные каналы и меняли перегородку между сорок седьмой и шахтой. На чертеже линия шла ровно, без отметки о реконструкции. Она постучала по стене возле соседней двери. Бетон. Через полметра звук стал глуше.

С лестницы донёлся короткий скрип.

Анна выключила сканер и прислушалась. Внизу никого не было видно. Ещё один скрип — уже ближе, будто подошва провернулась на песке.

— Валерий?

Ответа не последовало.

Она взяла фонарь и подошла к пролёту. На седьмой площадке лежал тот же осколок зелёного стекла, который она обошла при подъёме. Дальше лестница уходила в сумрак. Наверное, ветер двигал дверь одной из квартир. Здесь любой звук менял этаж, пока шёл по пустому колодцу.

Анна вернулась к прибору. Индикатор показывал, что последний цикл не завершён. Она запустила его снова и заметила на пыльном полу два чистых прямоугольных следа. Здесь недавно стояли ящики или тяжёлая сумка. Один отпечаток пересекала свежая дуга, оставленная каблуком. Рабочие могли вынести мусор вчера. Женская обувь ничего не доказывала, но Анна сфотографировала след рядом с линейкой.

Плётка на окне втянулась внутрь. На мгновение в кори-

доре возник запах дешёвых цветочных духов, слишком отчётливый для пустого этажа, и тут же пропал под сыростью.

По ведомости квартиры должна быть вскрыта. Анна потянула дверь. Та не поддавалась.

Замок был старый, язычок ходил свободно. Мешало что-то снизу. Она посветила в щель и увидела край свёрнутого линолеума. После расселения рабочие часто стаскивали мусор к выходу, не думая, что дверь потом заклинит.

Анна упёрлась плечом. Дверь прошла сантиметров пять и остановилась. Ещё раз. Линолеум зашуршал, отодвинулся, и из квартиры вышел затхлый воздух с запахом дешёвых цветочных духов и сырой ткани.

Она перестала давить.

В старых домах пахло по-разному. После расселения запахи держались в закрытых комнатах неделями: влажная одежда, старые шкафы, пролитые духи. Сам по себе этот ничего не объяснял, но был слишком свежим для квартиры, которой якобы никто не пользовался.

— Есть кто-нибудь?

Голос прозвучал глухо, словно квартира была обита мягкой тканью.

Анна достала фонарь, просунула руку в щель и направила луч вниз. Линолеум лежал поперёк прихожей. За ним — женская туфля, носком к двери.

Она отступила и набрала охранника.

— Поднимитесь к сорок седьмой. И вызовите полицию.

Возможно, здесь человек.

— Живой?

— Не знаю. Скорую тоже.

Сказав это, Анна поняла, что пока действительно не знает. Из щели была видна только туфля; остальное дорисовал страх.

Охранник поднимался медленно. Снизу хлопнула дверь, послышались ругань и тяжёлое дыхание. Анна не стала ждать. Между полотном и косяком оставалось достаточно места, чтобы протиснуться боком. Она надела перчатки, включила запись на телефоне и осторожно переступила линолеум.

Женщина лежала в комнате у стены. На вид ей было около сорока. Тёмные волосы спутались на лице, одна рука оказалась под телом, другая вытянута к низкой вентиляционной решётке. Грудь не двигалась, губы в луче фонаря казались серыми. Поза не была позой человека, который потерял сознание и может очнуться от голоса. Решётка была сорвана с одного крепления; на ржавом краю темнело что-то похожее на кровь. Рядом валялась отвёртка.

Анна остановилась в дверях. Не приближаться. Не касаться. Запомнить путь, по которому вошла.

Окно было закрыто. Пыль на полу нарушали несколько следов, но в сером свете они сливались. У дальней стены штукатурка вздулась прямоугольником, будто там когда-то заделали проём. Анна машинально оценила ширину: около

шестидесяти сантиметров. Для двери мало, для вентиляционной ниши много.

Охранник появился в прихожей, побледнел и сразу отступил.

— Господи. Я же всё обходил.

— Когда?

— Вчера. Ну... подъезды. По квартирам не ходил.

— Ждите на площадке. Никого не впускайте.

— А вы?

Анна уже собиралась выйти. Тогда на полу возле ладони женщины загорелся экран телефона.

Обычный короткий звон заставил её вздрогнуть сильнее, чем тело. Телефон лежал экраном вверх, частично прикрытый волосами. На чёрном чехле серебрилась длинная царапина от угла к камере.

Анна знала эту царапину. Дмитрий уронил телефон на щебень возле опоры моста, а потом отказался менять чехол: вещь работала, значит, расходы не требовались. После его исчезновения полиция искала аппарат вместе с ним. Его не нашли ни у реки, ни в машине.

Экран погас, прежде чем Анна успела прочитать имя звонящего.

Она сделала шаг. Остановилась. Сфотографировала телефон с того места, где стояла, затем увеличила снимок. Тот же чехол. В левом нижнем углу — белая точка засохшей краски. Дмитрий ставил им метки на кабели и однажды мазнул

телефон.

Снизу донеслась сирена.

Анна смотрела на аппарат и не слышала, как охранник что-то спрашивает. Полгода ей объясняли, что река могла не отдать тело. Что телефон утянуло течением. Что отсутствие находки ничего не доказывает.

Экран снова вспыхнул. На этот раз без звонка.

Уведомление появилось поверх фотографии Дмитрия — той самой, которую Анна сделала на даче прошлой осенью. Подготовленное сообщение. Отправитель не обозначен.

Она успела прочитать четыре слова:

«Не отдавай им стену».

Затем в квартиру вошли первые полицейские, и один из них жёстко попросил Анну отойти от тела.

Глава 2

Первый полицейский вывел Анну на площадку, второй остался у двери. Через минуту поднялись фельдшеры, посмотрели на неё с вопросом, но она только показала в квартиру.

— В комнате. Я не касалась.

— Вы заходили?

— До дверного проёма. Снимала на телефон.

Один из фельдшеров натянул маску. Второй распахнул медицинскую сумку, хотя по его лицу было видно: она не понадобится.

Анну попросили спуститься, но она осталась у стены. Ноги вдруг стали тяжёлыми, будто подъём на восьмой этаж дошёл до них с опозданием. Из сорок седьмой доносились короткие команды. Кто-то спросил время, кто-то ответил: «Десять двадцать шесть». Потом стало тихо.

Охранник сидел на ступеньке между этажами и тёр ладони.

— Я ничего не видел, — повторил он. — Ворота закрыты были. Вчера в семь обошёл, всё нормально.

— У кого ключи и кто мог попасть именно сюда?

— У подрядчика связка, у меня дубликаты от подъездов. В квартирах где замки выбиты, где двери вообще не держатся; после расселения тут полгорода лазило. — Валерий по-

смотрел на открытую дверь и потёр ладони сильнее. — Но чтобы в сорок седьмую — не видел.

Он отвечал Анне, хотя вопрос задал подошедший мужчина в тёмной куртке. Мужчина поднялся без спешки, показал удостоверение обоим и представился:

— Данилов Михаил Сергеевич. Следственный отдел. Кто обнаружил?

Анна назвала себя.

Данилов был невысоким, широким в плечах. Он не оглядывал её с головы до ног и не пытался сразу утешить. Сначала посмотрел на ботинки, потом на открытую дверь, на следы пыли возле порога.

— Покажите, как вошли. Не заходя снова.

Анна встала туда, где стояла перед дверью, объяснила про линолеум, щель и запах. Данилов слушал, иногда поднимал ладонь, чтобы она остановилась, пока криминалист отмечал её путь жёлтыми номерами.

— Дверь вы сдвинули примерно на сколько?

— Первый раз сантиметров на пять. Второй — на двенадцать или пятнадцать. Потом протиснулась.

— Линолеум ногой касались?

— Перешагнула. Могла задеть штаниной.

— Тело?

— Нет.

— Телефон?

Анна посмотрела на него.

— Нет.

Данилов не спросил, почему она замолчала. Дождался.

— Я знаю этот аппарат. Он принадлежит моему мужу.

— Имя?

— Дмитрий Савельев. Он пропал двадцать третьего февраля. Машину нашли у Верхней Туры, возле спуска к реке.

Что-то изменилось не в лице Данилова, а в паузе перед следующим вопросом.

— Телефон тогда нашли?

— Нет.

— Вы уверены, что это тот же аппарат?

— Чехол. Царапина. Белая краска в углу. Фотографии на заставке.

— Близко подходили?

— На два шага. Он включался дважды. Сначала входящий звонок, потом сообщение.

— Какое?

Анна достала свой телефон. Руки не дрожали, но разблокировать экран получилось со второго раза. Она открыла снимок комнаты и увеличила лежащий аппарат. Уведомление на фотографии не сохранилось: кадр был сделан раньше.

— «Не отдавай им стену».

— Кому — им?

— Не знаю.

— Какую стену?

— Не знаю.

Данилов кивнул, будто именно таких ответов и ждал.

— Теперь спускайтесь. Внизу у вас примут объяснение.

Из здания не уходите.

— Там мой сканер.

— Где?

— В коридоре, метрах в семи от квартиры.

— Пока останется на месте.

Анна хотела возразить: прибор стоил дороже её машины, а данные ещё не сохранились на сервер. Но криминалист уже снимал отпечатки с дверного полотна. Слова о стоимости прозвучали бы нелепо.

На улице прибавилось машин. Калитку опечатали, за ограждением остановились двое прохожих. Женщина в красной куртке снимала дом на телефон. Валерий пытался закрыть обзор собственным телом и только сильнее привлекал внимание.

Анну посадили в служебный микроавтобус. Молодой сотрудник записывал её объяснение на ноутбуке и трижды уточнил, во сколько она вошла в подъезд. Она отвечала, сверяясь с фотографиями: ворота — 9:11, трещина — 9:18, первый скан — 9:37. Дверь квартиры попала в кадр в 10:17.

— Вы всегда всё снимаете? — спросил он.

— На обследовании — да.

— Удобно.

Анна посмотрела в окно на людей, которые натягивали белые комбинезоны.

— Не всегда.

Через двадцать минут в микроавтобус вошёл Данилов. Он положил на стол прозрачный пакет. Внутри лежал потёртый паспорт.

— Вам знакома эта женщина?

Он показал разворот через плёнку. Фамилия — Круглова. Имя — Наталья Сергеевна. Год рождения Анна не сразу посчитала: сорок два. Фотография была сделана давно. Светлые волосы, прямой взгляд, полные щёки. На женщину в квартире она не походила, но двенадцать лет меняют лицо.

— Нет.

— Адрес?

В паспорте была регистрация в другом городе. Верхнереченск не упоминался.

— Тоже нет.

— С вашим мужем фамилия Круглова когда-нибудь возникала — в переписке, клиентах, договорах? Вспоминайте не вообще, а последние полгода перед исчезновением.

— Я не помню всех его клиентов. За эти полгода фамилия мне не попадалась.

Анна закрыла глаза на секунду. За полгода до реки Дмитрий ездил на четыре объекта, спорил с экспертизой по школе, дважды ночевал в области. В его блокноте фамилии шли без имён. Круглова могла быть кем угодно.

— Что Дмитрий знал об этом доме до вашего выезда? Кто был в договоре, называл ли он сорок седьмую или пожар?

— Контракт мы получили незадолго до его исчезновения. Подрядчик — Березин. Я принесла документы домой, Дмитрий посмотрел адрес и сказал, что сроки нереальные. Квартиру сорок семь он не называл. Пожар видел в технической справке: одна повреждённая квартира, несущие перекрытия не меняли.

Данилов подождал. Анна вспомнила кухню. Дмитрий листал приложение, держа кружку за край. На строке с номером квартиры задержался, но она тогда смотрела не на бумаги, а на мокрый след от кружки.

— Ещё сказал, что дом простой только снаружи. Это обычная фраза. Он говорил так про половину старых объектов.

— Кто в вашей фирме мог изменить сегодняшнее назначение?

— Диспетчер, руководитель проекта, администратор сервера. Егор Баранов ведёт расписание выездов, но запись могла сформироваться автоматически.

— Автоматически выбрала вас и эту квартиру?

— В назначении не было квартиры. Только адрес и первичный осмотр.

Данилов записал фамилию Егора. Анна почувствовала раздражение, хотя вопрос был правильным. Десять минут назад она сама решила проверить календарь. Теперь эта мелочь уже принадлежала следствию и выглядела не рабочим сбоем, а способом привести её к двери.

— Почему вы приехали со сканером, если осмотр первичный?

— Чтобы сделать привязки лестницы. Не хотела возвращаться к машине.

— Кто знал, что прибор будет с вами?

— Никто. Я решила на парковке.

Он задержал взгляд на её лице.

— Муж знал эту привычку?

— Да. Он её терпеть не мог.

— Почему?

— Считал, что дорогой прибор безопаснее оставлять в машине, чем таскать по непроверенному зданию.

Данилов перевернул страницу, не сказав, какой ответ ему был нужен.

— Когда вы последний раз общались с мужем?

Вопрос был обычным. Его задавали спасатели, полиция, добровольцы, женщина из страховой. Анна выучила ответ.

— Утром в день отъезда. Дома.

На экране её телефона, лежавшего рядом, отражалось окно микроавтобуса. Если открыть папку удалённых файлов, там до сих пор было голосовое сообщение, присланное Дмитрием уже с трассы. Анна удалила его в тот же вечер, потом восстановила из резервной копии и больше не включала.

— После отъезда он не писал? — спросил Данилов.

— Нет.

Ложь получилась спокойной. От этого стало хуже.

Данилов ещё несколько секунд смотрел на неё, затем забрал паспорт.

— До конца дня оставайтесь в городе. Возможно, придётся приехать на опознание телефона. И не пытайтесь войти в рабочие аккаунты мужа.

— У меня нет доступа.

— Хорошо.

Он вышел. Молодой сотрудник развернул к Анне экран с протоколом. Она прочитала каждую строку, исправила «лазерный сканер» вместо «сканирующее устройство» и подписала.

На улице кто-то громко назвал фамилию Ветрова.

Анна подняла голову. К калитке шла женщина в расстёгнутом пальто. Охранник пытался её остановить, но она оттолкнула его руку.

— Где она?

Данилов вышел навстречу.

— Лидия Григорьевна? Я просил ждать звонка.

— Вы сказали, квартира сорок семь. Я двенадцать лет жду вашего звонка.

— Пройдёмте в машину.

— Покажите лицо.

— Сначала я задам несколько вопросов.

Женщина заметила Анну. Взгляд остановился на логотипе фирмы на куртке.

— Вы её нашли?

Анна встала.

— Да.

— Живую?

Отвечать не пришлось. Лидия увидела людей в белых комбинезонах, которые вынесли из подъезда закрытые носилки. Она не заплакала. Схватила за край калитки и спросила:

— На ней была родинка здесь?

Она коснулась места под левым ухом.

Анна вспомнила спутанные волосы, серую кожу.

— Я не видела.

Данилов взял Лидию под локоть. Та выдернула руку.

— Не трогайте. Фотографию покажите.

Её усадили в соседнюю машину. Дверь оставили открытой. Анна видела, как Данилов передал ей планшет с одним снимком. Лидия посмотрела и сразу отвернулась. Потом потребовала вернуть. Увеличила изображение двумя пальцами.

— Это Ирина.

— Ваша сестра? — спросил Данилов.

— Моя сестра умерла в этой квартире. Вы сами так решили.

— Когда?

Лидия назвала дату — двенадцать лет назад, конец октября.

Данилов спросил, почему она уверена. Лидия снова пока-

зала под левое ухо, потом назвала шрам на подбородке и сломанный в детстве мизинец. Говорила резко, без пауз, будто перечисляла вещи, которые у неё уже однажды отказались принять.

— Документы при погибшей на имя Натальи Кругловой,
— сказал Данилов.

Лидия посмотрела на паспорт в пакете и побледнела сильнее.

— Где вы его взяли?

— Он был в сумке рядом с телом. Вы знаете Наталью?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро. Данилов не поправил её и не повторил вопрос.

— Когда вы в последний раз видели сестру и что она приносила? — спросил он.

— Двадцать шестого октября, перед пожаром. Пришла ко мне на работу с фотографическими плёнками, попросила оставить до утра, а потом забрала. Ирина снимала всё подряд. Что было на этих кадрах, я не знаю: я их не проявляла.

Лидия говорила, глядя мимо Данилова. Анна заметила, как большой палец её правой руки трёт гладкое место на связке ключей. Один ключ был длинным, старого типа, с квадратной головкой. Такие замки ещё оставались во внутренних дверях Каштановой.

— Почему вы сказали, что двенадцать лет ждёте звонка? Вы участвовали в опознании?

Лидия наконец посмотрела на него.

— Человека похоронили за четыре дня и решили, что вопросов больше нет. Николай сказал: Ирина. Мне дали пакет с её кольцом, показали куртку — обе вещи были её. В морг не пустили, лица я не видела. Я не сомневалась, Михаил Сергеевич. Я просто не успела. Вы всё сделали за нас.

Данилов принял удар без видимой реакции. Попросил номер телефона, уточнил адрес. Когда он отошёл, Лидия сама приблизилась к Анне.

— Телефон рядом с ней чей?

Анна не успела спросить, откуда та знает. На площадке разговаривали громко, охранник уже успел пересказать половину журналистке за воротами.

— Моего мужа.

— Пропавшего?

— Да.

Лидия кивнула, будто это подтверждало давно составленный расчёт.

— Ваша фирма должна снести дом?

— Сначала обследовать.

— Для Олега Березина это одно и то же. Он всегда сначала решает, что должно получиться, потом ищет подпись.

— Вы его знаете?

— Знала. — Она взглянула на Данилова и поправилась: — Видела после пожара. Здесь все его видели.

— А Дмитрия?

Лидия сжала ключи. Металл звякнул.

— Нет.

Данилов вернулся раньше, чем Анна задала следующий вопрос.

— Лидия Григорьевна, вас отвезут на официальное опознание после осмотра. Сейчас домой. И с прессой не разговаривать.

— А с ней можно? — Лидия показала на Анну.

— Сейчас — нет.

— Значит, потом поговорим.

Это прозвучало не как предложение.

Анна посмотрела на восьмой этаж. Плёнка в конце коридора то появлялась в пустом окне, то пропадала. В квартире лежала женщина, которую уже однажды вынесли оттуда мёртвой. Рядом — телефон Дмитрия, которого река не вернула.

На этот раз совпадением нельзя было назвать даже одну из этих вещей.

Домой Анна попала после восьми. Криминалисты оставили сканер в здании до утра, выдав расписку. В квартире было холодно: она снова забыла закрыть форточку на кухне. На спинке стула висела кофта Дмитрия, которую она собиралась убрать ещё весной.

На автоответчике мигал звонок матери. Анна не перезвонила. Новости уже показали ограждение у Каштановой, но имени погибшей не называли. Мать спросила бы, правда ли

нашли телефон, потом велела бы приехать и не оставаться одной. Оба совета были разумными и потому невыносимыми.

Анна сняла рабочую одежду в прихожей, сложила в пакет, как велел криминалист. Подошвы ботинок тоже опечатали, домой она ехала в дешёвых тапках, которые сотрудник нашёл в багажнике служебной машины. На правой пятке пластик натёр кожу. Маленькая боль возвращала происходящему размер: полшага, ещё полшага, от кухни до стола.

Она проверила рабочую почту. Пять писем касались Каштановой. Два старых, с приложениями к договору. Одно утреннее от автоматического календаря. Два новых: уведомление о приостановке работ и короткий вопрос Егора — «Ты дома?»

Анна ответила: «Да. Завтра в офис не приходи до моего звонка».

Он начал печатать, остановился, снова начал. Сообщение так и не пришло.

Анна не включила свет. Села за стол, открыла резервную копию телефона и нашла удалённое голосовое.

Дмитрий говорил на фоне дороги. Голос прерывался шумом шин.

«Ань, я не хочу опять по кругу. Ты видишь трещину и сразу решаешь, что дом падает. Иногда надо смотреть не на неё, а на пустоты. Ты сама это знаешь. Сегодня ночью на базе, утром выйду. На маршруте связи не будет. В понедель-

ник к вечеру буду у старого моста — и договорим, кто куда уходит».

В конце он будто собирался добавить что-то ещё, но запись оборвалась.

Анна прослушала сообщение дважды. Потом перенесла файл в закрытую папку и ввела пароль.

В свойствах стояло время отправки — через сорок три минуты после того, как Дмитрий уехал из дома. Файл не был новым, но теперь каждая его фраза звучала как оставленная заранее возможность истолковать уход двумя способами.

Она не уничтожила улику. Только снова не отдала её человеку, который задал правильный вопрос.

Глава 3

Во вторник в половине седьмого Анна проснулась за кухонным столом. Телефон лежал под щекой, экран показывал пропущенный звонок Данилова.

Она перезвонила сразу.

— Михаил Сергеевич?

— Доброе утро. Сможете приехать к восьми?

— Что случилось?

— Нужно официально опознать аппарат и уточнить несколько данных по вашему мужу.

— Женщину опознали?

Пауза была короткой.

— Приезжайте, Анна Викторовна.

В ванной на краю раковины стояли две зубные щётки. Дмитриеву она собиралась выбросить после третьего месяца поисков, но тогда позвонил доброволец и сказал, что ниже по реке нашли рюкзак. Рюкзак оказался чужим. Щётка осталась.

Анна умылась, переоделась и убрала её в чистый пакет. Данилов не просил домашний образец, однако полиция уже брала такие вещи после исчезновения. Если старого материала не хватит, пусть будет новый. Она сама удивилась, насколько легко тело принимает задачу, когда разуму нечего предложить.

Перед выходом позвонил руководитель фирмы, спросил, сможет ли она хотя бы переслать заметки по другим объектам. Говорил осторожно, избегая слов «тело» и «Дмитрий». Анна объяснила, где лежат файлы, и потребовала не пускать никого к серверу календаря до разговора с полицией.

— Там Егор с утра, — сказал руководитель. — Он резервную копию делает.

— Пусть остановит.

— Анна, если это обычный сбой...

— Тогда через час продолжит. Если нет, вы сейчас переписите журнал входов.

Тот помолчал и согласился. Анна отправила Егору то же распоряжение сообщением. Ответ пришёл сразу: «Уже поздно, копия началась». Следом он добавил смеющийся значок, затем удалил его. Осталось только первое предложение.

Во дворе дежурила машина местного телеканала. Репортёр узнал Анну по рабочей куртке, которую вчера успели снять за ограждением, и шагнул к ней с микрофоном.

— Вы обнаружили погибшую? Правда, при ней нашли вещи вашего мужа?

Анна захлопнула дверь автомобиля.

— Обратитесь в следственный отдел.

— Дмитрий Савельев связан с домом на Каштановой?

Она села за руль. Репортёр успел поставить ладонь на край стекла, но убрал, когда Анна включила двигатель. В зеркале он продолжал говорить оператору уже без неё. Через час его

вопросы станут утверждениями.

В следственном отделе пахло влажной бумагой и дешёвым кофе. Данилов встретил её в коридоре, заметил пакет.

— Что это?

— Щётка Дмитрия. Для ДНК.

— Образцы у нас есть с февраля. Не открывайте пакет, позже оформим, если понадобится.

Он провёл Анну в маленький кабинет. На столе лежали два листа с фотографиями телефона: общий вид, чехол отдельно, задняя крышка с номером.

— Аппарат ваш? Вспомните, когда покупали и меняли ли чехол.

— Дмитрия. Я заказывала его три года назад, в мае. Чехол меняли один раз — этот купили прошлым летом.

Анна показала царапину, точку белой краски, маленький надрыв возле разъёма. Данилов записал каждую деталь. Затем подвинул вторую фотографию. На ней телефон был без чехла, в нижнем углу корпуса виднелась вмятина.

— Эта отметина знакома?

— Нет. Он не снимал чехол при мне.

— Пароль знаете?

— Знала. Шесть цифр, дата сдачи нашего первого общего объекта. Он мог изменить.

— Назовите.

Анна назвала. Данилов не стал проверять при ней.

— Сообщение было поверх экрана блокировки. Что

помните о значке и отправителе?

Она закрыла глаза. Белые буквы на тёмном фоне, ниже короткая строка. В момент находки ей казалось, что запомнила всё. Теперь детали расползались.

— Обычный пузырь, возможно системное приложение. Отправителя не было, а перед текстом стоял маленький значок часов. Поэтому я и решила, что уведомление подготовили заранее.

— Вы уверены?

— Нет. На восемьдесят процентов.

Данилов впервые за утро слегка кивнул. Дмитрий говорил, что честная погрешность полезнее уверенной ошибки. Анна услышала эту фразу его голосом и сжала пакет со щёткой.

— Что с женщиной? — спросила она.

— Причину смерти вам пока не сообщу.

— Я не спрашивала причину.

— Лидия Лемешева дала сравнительный образец. Лаборатория сделала срочное исследование.

Данилов открыл папку, но лист не показал.

— Предварительный результат подтверждает близкое родство по женской линии. Для рабочей версии достаточно считать погибшую родной сестрой Лидии — Ириной Ветровой. Но старое дело пока говорит обратное: двенадцать лет назад другие останки уже опознали и похоронили под её именем.

Анна смотрела на белый край листа.

— Но Ирина умерла. Её похоронили.

— На бумаге — да. Сейчас мы знаем только, что тогда похоронили останки, опознанные как Ирина Ветрова.

— Кто опознал?

— Это относится к старому делу. Мы его запросили.

— Значит, там лежит другая женщина.

— Это версия. Эксгумация потребует решения и времени.

— А паспорт Натальи Кругловой?

— Подлинный. Фотография не переклеена. Срок действия закончился несколько лет назад.

— Ирина жила по чужому паспорту?

— Анна Викторовна, — Данилов закрыл папку, — пока мы знаем только, что документы находились рядом с телом. Не превращайте расстояние в принадлежность.

Она хотела напомнить, что именно так он говорил о телефоне Дмитрия. Не стала. Он был прав в обоих случаях.

— Что будет с могилой?

— Проверим материалы, установим, какие образцы сохранились. Потом следователь по старому делу обратится за разрешением на эксгумацию.

— Следователь по старому делу — вы?

— Пока дела соединены только фактом. Не торопитесь соединять людей.

Он достал из папки копию старой учётной карточки, прикрыл нижнюю часть ладонью и показал строку: «Ветрова

Ирина Николаевна, гибель в результате пожара». Адрес совпадал — Каштановая, семнадцать, квартира сорок семь.

— Двенадцать лет назад вы могли бывать у Каштановой? А Дмитрий — работать там?

— Я училась в другом городе, мне было двадцать два. Дмитрий работал в «Регионстрое», но мы познакомились позже, и списка его объектов у меня нет. Потом фирма закрылась.

— Про торговый центр рядом с домом он рассказывал?

— Нет.

Ответ вышел слишком быстрым. Анна перебрала разговоры: Дмитрий упоминал неудачный котлован, где подрядчик сэкономил на водопонижении; подземную парковку, которую залило весной; прораба, умевшего подписывать акты раньше бетона. Адресов не называл.

— Мог рассказывать без адреса, — добавила она. — У него было много старых историй.

— Вспомните формулировки. Не сейчас, дома. Запишите отдельно, не обсуждайте с коллегами.

— Вы уже связываете его с домом.

— Я устанавливаю, мог ли он знать дом до вашего договора.

— И если мог?

— Тогда будем проверять, почему вам сказал обратное.

В коридоре хлопнула дверь. Лидия вошла без верхней одежды, сжала ремень сумки обеими руками. Увидев Анну,

остановилась.

— Вам уже сказал?

— Да.

— Мне тоже. Как будто я вчера ошиблась.

Данилов вышел следом.

— Лидия Григорьевна, мы договорились: до официально-го заключения ничего не публикуем.

— Я похожа на человека, который ведёт блог?

— Вы похожи на человека, которому вчера звонили три журналиста.

— Я послала всех троих.

— Продолжайте.

Лидия надела пальто.

— Я хочу на кладбище.

Данилов нахмурился.

— Зачем?

— Посмотреть, не исчезла ли могила сама. Сегодня это было бы даже удобно.

Он не ответил.

На улице Лидия закурила, прикрывая огонь ладонью. Анна стояла рядом, пока та сделала два быстрых вдоха.

— Вы на машине? — спросила Лидия.

— Да.

— Отвезёте?

Просьба прозвучала приказом. Анна согласилась.

Старое кладбище находилось за железнодорожной вет-

кой. По дороге Лидия почти не говорила. Один раз попросила ехать медленнее у поворота, хотя Анна не превышала скорость. Потом спросила:

— Дмитрий точно утонул?

— Тела нет.

— Это я знаю. В новостях писали.

— Тогда почему спрашиваете?

— Потому что его телефон лежал возле моей сестры.

— Я не знаю, что это значит.

— А я двенадцать лет не знала, что значит могила с её именем.

Лидия выбросила сигарету в пустую бутылку из-под воды и закрутила крышку. Пепел остался внутри.

Могила Ирины была в старой части, между двумя берёзами. Невысокая гранитная плита, металлическая ограда, выцветшие искусственные гвоздики. На фотографии — девушка лет тридцати с короткой стрижкой. Анна узнала линию подбородка женщины из сорок седьмой.

Лидия открыла калитку и смахнула с плиты сухую траву.

— Николай выбрал снимок. Мне этот не нравился: Ирина здесь на него злилась, просто фотограф поймал секунду между словами. Бывшим мужем Николай стать не успел — она собиралась уйти. А потом именно он опознал тело.

— Вам его не показывали?

Лидия повернулась к ней.

— Данилов не сказал?

— Старое дело ещё не получили.

— Значит, я тоже не буду делать за них работу.

Она присела, вытащила из-за плиты маленькую банку, но цветов не поставила. В банке лежало кольцо, завёрнутое в ткань.

— Это то кольцо? — спросила Анна.

— Нет. Это мамино. Ирина его не носила.

Лидия спрятала банку обратно.

— После похорон Николай отдал мне её вещи. Фотоаппарат, одежду, ключи. Не отдал только негативы. Сказал, сгорели.

— Вы ему поверили?

— Тогда — да. Это сейчас все умные.

Лидия достала из сумки сложенный вчетверо снимок. Бумага побелела на сгибах. На фотографии Ирина стояла у окна, подняв фотоаппарат к лицу. За её плечом виднелся двор Каштановой и край строительного крана.

— Это сорок седьмая? — спросила Анна.

— Кухня. Ирина поставила автоспуск и снимала себя для какой-то выставки. Считала, что человек дома выглядит честнее.

— Когда сделано?

— Летом перед пожаром.

Анна повернула карточку. На обороте стоял номер кадра и месяц. У нижнего края окна шла трещина, похожая на ту, что она видела вчера над входом, только направление было

другим. Дом уже тогда двигался.

— Можно сфотографировать?

Лидия накрыла снимок ладонью.

— Для работы или для полиции?

— Пока не знаю.

— Значит, нет. Когда будете знать, спросите снова.

Она убрала фотографию. Отказ был разумным, и Анне он понравился больше, чем поспешное доверие.

— Вы сказали, что отец пропал, — напомнила Анна. — Когда?

— За неделю до пожара. Работал ночным смотрителем в доме. Вышел на смену и не вернулся.

— Его искали на стройке?

— Искали везде, как мне сказали. В подвалах, больницах, у реки. Потом решили, что он уехал. Отец оставил дома паспорт, таблетки и ботинки на зиму, но, конечно, начал новую жизнь в конце октября без денег.

Голос Лидии остался сухим. Она слишком много раз проносила эти доводы.

— Данилов тогда работал в полиции?

— Молодой участковый. Приходил, записывал, что отец выпивал. Отец выпивал. Это не значит, что он испарился.

Анна посмотрела на фотографию Ирины на памятнике. Один дом забрал у Лидии двух людей, а теперь вернул только одного — убитым второй раз.

За оградой прошёл работник кладбища с граблями. По-

здоровался с Лидией по имени. Она ответила коротко.

— Часто приходите?

— Сначала каждую неделю. Потом по воскресеньям. Потом только к датам. — Лидия провела пальцем по выбитому году смерти. — В какой день теперь поминать человека, который умер дважды?

Анна не нашла ответа. Лидия и не ждала.

Возле машины зазвонил телефон Анны. Данилов попросил вернуться в отдел. Голос был ровным, но он не предложил перенести разговор на позже.

— Что-то с Дмитрием?

— С аппаратом. Приезжайте без Лидии Григорьевны.

Лидия услышала имя.

— Езжайте. Я доберусь.

— Здесь автобуса нет.

— У меня отец пропал, сестру похоронили вместо другой женщины, потом убили по-настоящему. Думаете, без автобуса я растеряюсь?

Она уже набирала такси.

Данилов ждал Анну не в кабинете, а у окна в конце коридора. Рядом стоял специалист в сером свитере с бейджем экспертного отдела. На подоконнике лежала распечатка.

— Сам аппарат подтверждён по серийному номеру, — сказал Данилов. — Он принадлежал Дмитрию Савельеву. Сим-карта другая, оформлена на подставные данные. Содержимое пока извлекают.

— Расскажите по порядку: когда он появлялся в сети и могло ли это произойти само?

Специалист посмотрел на Данилова. Тот разрешил ответить кивком.

— Вчерашнее включение не первое после февраля. Локальные журналы и данные оператора показывают короткую регистрацию в июне, затем ещё одну в августе — в разных районах города. Сам по себе аппарат этого не делает: нужен рабочий аккумулятор и действующая сим-карта. В феврале стояла сим-карта вашего мужа, в июне — уже другая. Полную картину дадим после извлечения данных.

Анна пересчитала месяцы. В июне поиски на реке уже прекратили. В августе она получила свидетельство о признании Дмитрия безвестно отсутствующим для управления общими счетами. Всё это время его телефон лежал не на дне.

— Если телефон нашли на берегу, как нашедший вошёл в настройки? Использовал мой пароль?

— Он должен был подобрать код — иначе остался бы на экране блокировки. Журналы подтверждают вход в настройки, но каким кодом вошли, пока не скажу: данные частично удалены.

Анна вспомнила шесть цифр, которые только что назвала. Дата первого общего объекта не была тайной для коллег, но чужому человеку ничего не говорила. Дмитрий мог сменить код до поездки. Мог оставить прежний, уверенный, что аппарат будет при нём.

— Вчерашнее сообщение было внутри телефона или пришло извне?

— Сам текст из сети не приходил. Короткий вызов разбудил экран, после отбоя сработало локальное правило и показало заранее сохранённое уведомление. Получается, звонивший управлял моментом, но текст уже лежал в аппарате. Когда правило создали и кто сделал вызов, пока устанавливаем — это граница точного ответа.

Данилов бросил на эксперта короткий взгляд: достаточно. Тот замолчал.

— Кто им пользовался?

— Этого записи не показывают, — сказал Данилов.

— Камеры, вышки...

— Проверяем.

— Почему вы мне говорите?

— Потому что сейчас вы поедете домой и вспомните всё, чего не сказали вчера. Кто мог знать пароль, где лежали запасные ключи, какие аккаунты остались открыты. И на этот раз не будете выбирать, что имеет значение.

Анна поняла, что он заметил её ложь. Не понял какую, но оставил ей возможность исправить.

— Я сообщила всё важное.

— Важность определяет не свидетель.

Данилов ушёл к кабинету. Специалист собрал бумаги.

Анна осталась у окна. На стекле отражался коридор, и собственная фигура казалась стоящей по другую сторону.

Полгода она искала Дмитрия вниз по течению. Теперь расстояние сменило направление, но ближе он не стал.

Она записала на обороте парковочного талона три даты: исчезновение, июньское включение, августовское. Между ними оставались месяцы без сигнала. Такая линия не рассказывала, кто держал телефон, но уже не позволяла вернуть его в реку одним удобным объяснением.

Глава 4

К полудню новость дошла до офиса раньше Анны. В приёмной замолчали сразу, как она вошла. Руководитель фирмы Виктор Павлович вышел из кабинета, прикрыл за собой дверь и спросил, не нужно ли ей домой.

— Нужно посмотреть журнал календаря.

— Полиция уже звонила. Я ничего не трогал.

— Егор здесь?

— В серверной. Остановил копирование, как ты просила.

На мониторе секретаря была открыта страница городских новостей. Заголовок обещал «мистическую находку в доме-призраке». Под ним стояла фотография Каштановой, снятая вчера через ограждение. Анна отвернулась прежде, чем увидела комментарии.

Серверной называли комнату без окон, где помещались два шкафа с оборудованием, старый холодильник и стол Егора. Он сидел боком к двери, поджав одну ногу, и смотрел на полосы журнала событий. Рядом стоял незнакомый мужчина с папкой.

— Лейтенант Котов, — представился тот. — Михаил Сергеевич предупредил, что вы покажете систему.

Егор поднял руку.

— Я показываю. Пока получается, что система показывает мне.

— Что с назначением? — спросила Анна.

— Оно существует.

— Это я заметила.

Обычно он улыбнулся бы. Теперь только потёр шею.

Котов попросил Анну сесть так, чтобы он видел её руки.

Правильно: журнал уже стал частью дела. Егор открыл карточку объекта. Договор создали в январе, первый выезд поставили на вторник, затем дважды переносили из-за расщепления. В воскресенье вечером в карточке появилась новая задача — первичный осмотр в понедельник в девять. Исполнитель: Савельева А. В.

— Я воскресенье провела дома, — сказала Анна. — В систему не входила.

— Ваш логин не использовался, — ответил Егор.

Он увеличил строку. Изменение внесла учётная запись `d.saveliev`.

Сочетание букв Анна видела каждый день много лет. Дмитрий ставил его на чертежах, в почте, на папках общих проектов. После исчезновения рядом с именем появилась серая отметка «неактивен».

Сейчас отметки не было.

Котов постучал ручкой возле строки.

— Время, источник и почему именно Савельева.

— Два тринадцать ночи. — Егор всё же попытался усмехнуться. — А дальше начинается весёлое: вход прошёл через внутренний сервис синхронизации, который переносит зада-

ния из почты заказчика. Теоретически он мог создать задачу сам, если в письме стояло имя Анны.

— Покажите письмо.

Егор открыл папку входящих задач. Последнее письмо от подрядчика пришло в пятницу и касалось допуска охранника. Имени Анны там не было.

— Значит, не сам, — сказала она.

— Значит, надо смотреть глубже.

— Кто мог вернуть учётную запись и что вы сделали с ней после исчезновения Савельева? — спросил Котов.

Егор перестал улыбаться.

— Сам пароль никто не читает, он хранится в виде хеша. Администратор может только назначить новый. Права есть у меня и у Виктора Павловича, но он в панель не заходит — у него от слова «сертификат» давление. В феврале запись отключал я. Не в тот же день, недели через две: мы ещё думали, Дима вернётся.

— Покажи журнал, — сказала Анна.

Егор открыл другой журнал. Напротив даты стояло: «учётная запись приостановлена». Через четыре дня её перевели в архив. Вчера ночью она снова получила активный статус на семь минут, внесла назначение и закрылась.

— Что ещё успела сделать запись за семь минут? — спросил Котов.

Егор поставил фильтр по имени пользователя. На экране появились обращения к папке Каштановой: поэтажные пла-

ны, техническое задание, список допущенных сотрудников. Несколько файлов открывались только для чтения. Один — таблица доступов — был выгружен.

— Здесь телефоны охраны, подрядчика, ваших сотрудников и время приезда? — спросил Котов. — Ваш номер тоже есть, Анна Викторовна? Маршрут указан?

— Номер есть. Маршрута нет, только адрес.

— Материалы других объектов запись открывала?

Егор сменил фильтр.

— Нет. Только Каштановую.

Случайное восстановление становилось всё менее удобным объяснением. Сбой мог поднять архивную учётную запись, но не выбирал один дом, не читал допуски и не назначал Анну.

— С какого устройства? — спросила она.

— Сервисный идентификатор. Не ноутбук Димы, не телефон. Так выглядит обращение через ключ.

— Ключ можно скопировать?

— Можно было. Сейчас нельзя сказать, кто это сделал.

— Когда в последний раз меняли папку Каштановой?

— В пятницу днём. Я добавлял список расселения.

— Значит, тот, кто входил ночью, видел свежие файлы.

Егор снова потёр шею. Кожа под пальцами покраснела.

— Видел.

Котов попросил его записать имена всех, кто имел доступ к ключам за последние два года. Егор начал с Дмитрия, за-

тем написал себя и Виктора Павловича. Четвёртую строку оставил пустой.

— Это все, кто мог получить ключ? — спросил Котов.

— Формально — да. Но рабочие ноутбуки бывали в ремонте. Ключ защищён от случайного доступа, не от человека, который знает, что ищет.

— Автоматическая синхронизация не может активировать архивного пользователя, — сказала Анна.

— Обычно нет.

— Не обычно. Может или нет?

Егор убрал руки с клавиатуры.

— В текущей настройке — нет.

— Значит, кто-то активировал.

— Или восстановилась старая резервная конфигурация.

Я вчера как раз разворачивал копию после сбоя.

— В два часа ночи?

— Процесс шёл сам.

Котов попросил показать задание резервного копирования. Егор открыл расписание. Запуск — три часа, не два тринадцать. Он начал объяснять, что время на виртуальном сервере могло отличаться. Анна посмотрела на часы в правом углу журнала. Они совпадали до минуты.

— Не могло, — сказала она.

Егор провёл ладонью по лицу.

— Ань, я не говорю, что это точно копия. Я говорю, что прежде чем объявлять Диму воскресшим системным адми-

нистратором, надо исключить обычную кривизну.

— Никто этого не объявляет, — сказал Котов.

— По лицам не скажешь.

Лейтенант выгрузил журналы на опечатанный накопитель, составил акт и потребовал не перезапускать сервер. Виктор Павлович подписал, не читая, потом по просьбе Анны всё-таки прочитал и подписал ещё раз.

Когда Котов ушёл, в комнате остались только она и Егор. За стеной загудел принтер.

— Ты сказал, что отключил запись, — начала Анна.

— Я отключил.

— Но сейчас она активна.

— Уже снова нет.

— Кто кроме тебя мог вернуть доступ? Где лежит служебный ключ и мог ли Дмитрий сохранить копию, когда настраивал хранилище?

Егор посмотрел на неё, потом на закрытую дверь.

— Вернуть запись мог администратор или человек со служебным ключом. Основной ключ лежит на сервере, аварийная копия — на флешке у Виктора Павловича. Дима хранилище настраивал и технически мог оставить копию. Как мог и любой, кто имел доступ тогда. Но пользоваться ею сейчас решил бы только тот, кто знал: после его исчезновения мы ключ не сменили.

— Вы не сменили?

Егор встал, открыл холодильник, увидел, что внутри ле-

жит только пачка проявителя для старого принтера, и закрыл.

— Это не пароль от почты. Смена ключа ломает связку со всеми рабочими станциями. Мы собирались сделать на майских.

— Сейчас август.

— Я знаю, какой сейчас месяц.

— Данилову ты это сказал?

— Котову. Всё, что спросил.

— Он не спросил, знал ли Дмитрий про старый ключ.

— А я не обязан угадывать вопросы.

Егор говорил чуть громче обычного, но не шутил. Так он вёл себя на объектах, когда обнаруживал собственную ошибку и ещё надеялся, что она не повлияла на результат.

— Доступ оставили из-за работы? — спросила Анна.

— Из-за бардака.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Анна прислонилась к шкафу. На верхней полке стоял старый маршрутизатор, подписанный почерком Дмитрия: «не выбрасывать, резерв». Он не терпел, когда работающее оборудование списывали. «Сначала выясни, что на нём держится», — говорил он.

— После исчезновения ты сам входил в его запись?

— Один раз. Забирал шаблоны из личной папки: назначил временный пароль через администратора, перенёс файлы и

закрыл доступ.

— Покажи это в журнале.

Егор нашёл мартовскую дату. Запись действительно открывали на двадцать две минуты. В графе причины стояло: «перенос рабочих материалов». Ниже был его электронный комментарий.

— Ты говорил мне, что всё перенёс до блокировки.

— Значит, забыл про эту папку.

— Ты забываешь зарядку. Пароли ты не забываешь.

Он резко развернулся на стуле.

— Что ты хочешь услышать? Что я оставил Диме лазейку, потому что он попросил из могилы? Его искали. Мы все думали, что он может выйти на связь. Да, я не снёс половину системы в ту же неделю. Теперь это преступление?

— Теперь его запись привела меня к мёртвой женщине.

Егор открыл рот, но не ответил. Из коридора донёсся смех секретаря — нервный, слишком громкий. В комнате стало слышно вентиляторы.

— Если ты что-то не сказал Котову, скажи сейчас, — произнесла Анна.

— Я сказал всё, что относится к ночному входу.

Формулировку он выбрал не случайно. Егор сел и открыл окно журнала, хотя смотреть там уже было нечего. Анна вышла, не закрывая дверь.

Её кабинет находился через коридор. На столе лежали распечатанные планы Каштановой, которые она подготови-

ла до выезда. Типовой этаж, разрез, схема инженерных сетей. Сорок седьмая квартира была заштрихована как освобождённая. Стена возле вентиляции — обычная перегородка, сто двадцать миллиметров. Вчера она показалась толще.

Анна включила рабочую станцию, но сервер не отвечал. Котов потребовал отключить обмен. Локальная копия первого скана сохранилась в планшете, оставшемся у полиции. Без неё можно было только читать бумагу.

Виктор Павлович принёс чай и поставил на край стола.

— Березин звонил шесть раз. Требуется, чтобы мы продолжили завтра.

— Дом опечатан.

— Говорит, только квартира опечатана. Сроки горят.

— У него всё горит.

Виктор Павлович поморщился, вспомнив пожар.

— Неудачно сказал.

— Обычно сказал.

— Анна, я могу снять тебя с проекта.

— Тогда Березин получит инженера, который не видел тело и телефон.

— Может, это и лучше.

— Для кого?

Руководитель не ответил. Подвинул чашку ближе к ней и вышел.

Анна наложила кальку на план восьмого этажа и обвела стену сорок седьмой. По размерам комнат выходило: от

внутренней грани кухни до фасада — пять метров восемьдесят. На общем плане — шестьдесят. Тридцать сантиметров потерялись в отделке, вентиляции и погрешностях старого обмера. Пока ничего.

Она достала справку о пожаре. Четыре сухие строки: выгорание жилой комнаты и коридора, повреждение вентиляционного канала, восстановительный ремонт без изменения несущих конструкций. Приложенной схемы не было. Если канал перекладывали, новую геометрию могли не внести в общий план. Если не перекладывали, разница существовала раньше.

Анна проверила соседнюю квартиру. Там между суммой внутренних размеров и фасадом терялось семь сантиметров — отделка и погрешность старого обмера. В сорок седьмой — не меньше двадцати шести даже при самом удобном округлении.

Она позвонила в архив городского управления строительства. Сотрудница долго искала адрес, затем сообщила, что исполнительные материалы весной передали заказчику сноса.

— Кому именно?

— «Березин-Демонтаж». Запрос подписан директором.

— Копия у вас осталась?

— Основной том да, приложения частично. После пожара должен быть отдельный акт управляющей компании.

— Можно получить?

— По запросу собственника или следствия.

Анна записала номер фонда. Она не могла требовать дело, но теперь знала, где оно должно было лежать и кто забрал рабочий экземпляр раньше неё.

На компьютере прозвучал сигнал локальной почты. Интернет был, отключили только рабочий обмен. Пришло письмо без темы с адреса, составленного из случайных букв.

Анна не открыла вложение. Сфотографировала экран, позвонила Котову, затем Данилову. Ответил Данилов.

— Не трогайте письмо. Специалист подключится удалённо.

— Сервер отключён.

— Не этот. Ждите.

Через двадцать минут Котов вернулся с экспертом. Они сделали копию письма, зафиксировали заголовки и разрешили открыть вложение на изолированном ноутбуке.

Это был фрагмент старого плана. Качество низкое, края обрезаны. Анна узнала контур пристройки и нижнюю часть дома. В отличие от исполнительной схемы, здесь между ними тянулся узкий коридор. Поперёк коридора кто-то поставил красную черту и написал от руки одно слово:

«ШОВ».

В штампе сохранилась половина даты. Последняя цифра года совпадала с годом исчезновения отца Лидии. Бумагу сканировали не из городского тома: в левом углу темнело круглое пятно от чашки, а через условное обозначение

воды шёл старый карандашный крест. Значит, у отправителя был чей-то рабочий экземпляр, которым пользовались на площадке.

— Такой план есть в документации? — спросил Котов.

— Нет. По нашей схеме пристройка примыкает к дому сплошной стеной.

— Что означает пометка?

— Может быть деформационный шов. Может быть рабочий стык бетонирования. По обрезку не видно.

— Сообщение «не отдавай им стену» связано с этим?

— Не знаю.

Данилов, которого включили по громкой связи, попросил описать изображение ещё раз. Анна назвала масштаб, примерный год по штампу и заметила в углу часть подписи. Видны были только две буквы: «Бе».

— Березин? — спросил Котов.

— Или бетон, — ответила Анна. — Или фамилия Белова. Двух букв недостаточно.

Егор стоял в дверях. Услышав про план, он перестал жевать край бумажного стаканчика.

— Отправителя можно найти?

Котов обернулся.

— А вам зачем?

— Он прислал файл на нашу почту.

— На почту Анны Викторовны.

— Это рабочий адрес.

— Тогда ответьте, кто мог знать, что именно сегодня она будет сидеть перед этим компьютером.

Егор выбросил стаканчик. Промаяхнулся, поднял и положил в корзину.

— Половина офиса.

— А вторая половина смотрит новости, — сказал Котов.

После ухода полиции Анна распечатала фрагмент и положила рядом с исполнительной схемой. Красная черта проходила как раз под той частью пристройки, где утром она взяла образец синеватого раствора.

Кто-то изменил её назначение, дождался, пока она найдёт тело, а теперь объяснял, куда смотреть дальше.

Анна подписала на распечатке время получения и номер компьютера. Рядом оставила пустую строку для источника. В рабочем отчёте пустые графы раздражали её, но здесь вписать предположение означало помочь отправителю выбрать имя.

Анна выключила монитор. На бумаге красная линия осталась.

Глава 5

В среду Олег Березин приехал в офис без предупреждения. Анна узнала его по голосу ещё из коридора.

— У меня бригада стоит второй день. Кран оплачен, жильё людям оплачено. Что я должен заказчику сказать? Что мёртвую женщину нашли, поэтому остальные восемь этажей тоже умерли?

Секретарь пыталась объяснить, что Виктор Павлович на совещании. Березин положил на стойку папку и подвинул её к краю.

— Вы ему передайте: или сегодня заходят инженеры, или завтра заходит другая фирма.

Анна вышла из кабинета.

Березин был крупным, но двигался тихо. Серый костюм сидел на нём как рабочая форма: без складок, без лишних деталей. На ботинках — засохшая светлая глина. При виде Анны он не удивился.

— Савельева. Вот и хорошо. Объясните им.

— Следствие сняло запрет с общих зон и фасада. Квартира сорок семь остаётся закрыта. До письменного допуска мы не работаем.

— Допуск будет через час.

— Откуда знаете?

— Потому что я с утра сделал то, что ваши должны были

сделать вчера: позвонил всем и получил бумагу.

Он достал из папки копию постановления. Осмотр разрешился вне опечатанной квартиры, без вскрытия конструкций и перемещения предметов. Внизу стояла подпись Данилова.

Анна прочла дважды. Ограничения были точными. Березин не подделывал документ — он просто добился его раньше, чем бумага дошла до фирмы.

— На объект поедет Егор, — сказал Виктор Павлович, появляясь из лестничного пролёта. — Анну снимаем.

— Нет, — ответили Анна и Березин одновременно.

Березин развёл руками.

— Видите, договорились.

— Почему именно я? — спросила Анна.

— Потому что вы уже начали. Другой будет два дня разбираться, куда вы смотрели.

— Вы вчера требовали заменить фирму.

— Вчера вы все прятались за полицией. Сегодня есть решение. Работать надо сегодня.

Он произносил каждую фразу как хозяйственное правило, не требующее обсуждения. Срок стоит — надо выдержать. Люди ждут — надо дать работу. Стена мешает — надо снести.

Анна положила перед ним распечатанный фрагмент анонимного плана.

— Знаете этот чертёж?

Березин взглянул, не притронулся.

— Обрубок какой-то.

— Здесь пристройка Каштановой.

— Может быть.

— Рабочий коридор между домом и подземной частью.

— Там нет коридора.

— На исполнительной схеме нет. На этом есть.

— Значит, этот неправильный.

— В углу часть подписи. «Бе».

— У нас в строительстве половина слов на «бе». Бетон, бентонит, без оплаты.

Он подождал реакции. Никто не улыбнулся.

— Двенадцать лет назад вы были прорабом на торговом центре рядом с домом. Почему объект бросили?

Березин коротко посмотрел на распечатку, словно проверял, откуда она взяла формулировку.

— Объект был не мой, я работал у генподрядчика. Потом кончились деньги — вот и вся причина.

— Ночной смотритель дома пропал в то же время.

Березин посмотрел на Виктора Павловича.

— Вы инженеров теперь по газетам учите?

— Она задала вопрос, — сказал тот.

— А я отвечаю: на каждой стройке рядом кто-нибудь пропадает, разводится или умирает. Если из-за этого бетон останавливать, города не будет.

— Вы знали Григория Лемешева?

Папка под рукой Березина едва заметно прогнулась.

— Охранника видел. Имени не помню.

— Охранника или смотрителя?

— Какая разница?

— Пока никакой.

Березин забрал постановление.

— В одиннадцать мои люди откроют дом. Сканируйте, считайте, пишите. В стены не лезьте. Это отдельно указано.

Он вышел. Секретарь проводила его взглядом и тихо сказала:

— Я ему кофе предложила. Теперь стыдно.

— Кофе ни в чём не виноват, — ответил Егор из дверей серверной.

Анна позвонила Данилову. Он подтвердил постановление.

— Березин подал ходатайство через собственника. Держать весь дом закрытым оснований нет.

— Он приехал с бумагой раньше, чем вы предупредили нас.

— Потому что копию забрал лично. Вы имеете право отказать от работы.

— Тогда он приведёт других.

— Вероятно.

— И они не знают, что в плане лишняя стена.

— Вы уже решили, что она лишняя?

— Я решила её измерить.

Данилов попросил перечислить оборудование и записать серийные номера перед выездом. У квартиры будет дежурить сотрудник, в остальном ответственность за безопасность оставалась на фирме.

— Березин не должен получить доступ к вашим данным раньше следствия, — добавил он. — Но не провоцируйте его. Ваша задача — измерение.

— А если измерение и есть то, чего он боится?

— Тогда тем более не помогайте ему понять, что именно вы нашли.

Анна записала номера сканера, планшета и двух накопителей. Егор сфотографировал пломбы на футляре, потом наклеил поверх каждой полоску ярко-розовой ленты.

— Для научности, — объяснил он. — И чтобы рабочие Березина случайно не приняли прибор за свой розовый чемодан.

В машине он болтал больше обычного. Рассказал про соседа, который третий день сверлит одну стену, про новый выпуск городских новостей и про то, что их сканер теперь стоит страховать от обнаружения трупов.

Анна не поддерживала. Когда они повернули к Каштановой, Егор замолчал сам.

— Котов опять звонил, — сказал он. — Спрашивал про ключ.

— Что ответил?

— То же, что вчера.

— Что система кривая?

— Что технически доступ можно было сохранить. Не значит, что сохранили.

— Слова «технически можно» обычно означают, что кто-то уже сделал.

— Только если этот кто-то инженер и любит усложнять.

— Дмитрий любил упрощать.

— За счёт других.

Егор сразу посмотрел в окно. Анна не спросила, что он имел в виду. Фраза прозвучала не как открытие, а как продолжение старого разговора, в котором её не было.

У дома стоял грузовой фургон «Березин-Демонтажа». Ограждение укрепили, вместо сорванных листов поставили новые. Валерий проверил постановление и записал время входа. На восьмом этаже дежурил полицейский; лестничный пролёт от седьмого перекрывала лента.

— Общие зоны до седьмого, фасад, подвал со стороны первого подъезда, — перечислил он. — Выше без меня не подниматься. Сорок седьмую даже не фотографировать.

— Она уже на тысяче снимков, — сказал Егор.

Полицейский посмотрел на него.

— Это нервное, — пояснил Егор. — Я сейчас перестану.

Они разгрузили треноги. Футляр сканера криминалисты вернули утром; пломба висела на ручке, внутри всё лежало на своих местах. Анна проверила калибровочную метку. Погрешность после чужого осмотра не изменилась.

Двое рабочих Березина подошли от фургона. Один взялся за боковую ручку футляра.

— Мы занесём через пристройку. Там ближе.

— Нет, — сказала Анна.

— Начальник велел оборудование убрать с прохода.

— Поставьте ваши ящики не на проходе.

Рабочий потянул футляр к себе. Анна не отпустила.

— Девушка, он тяжёлый.

— Поэтому положите.

Второй открыл заднюю дверь фургона. Внутри стояли лопаты, кабели и два пустых пластиковых контейнера. Места для сканера было слишком много.

Егор подошёл сбоку.

— Руки убрали. Прибор наш.

— Да тащите сами, — сказал рабочий, но ручку не выпустил.

Валерий свистнул полицейскому. Тот спустился с крыльца, и только тогда футляр оказался на земле.

— Ошиблись, — спокойно сказал появившийся Березин.

— Думали, моё оборудование.

— На нём название фирмы, — ответила Анна.

— У людей задача разгрузить. Они не читают романы на ящиках.

— Ещё раз коснутся — работа остановится.

— Работа не остановится. Вы просто держите вещи при себе.

Он повернулся к рабочим.

— Занимайтесь кабелем.

Те ушли без возражений. Слишком быстро для людей, которые только что перепутали чужой прибор со своим.

Анна осмотрела замки футляра. Пломба цела. Егор присел рядом.

— Может, правда хотели помочь.

— Ты веришь?

— Нет. Но я обещал себе начать день с хорошего отношения к людям.

— Уже закончил?

— В одиннадцать двадцать.

Они начали с фасада. Егор поставил сканер на три точки вдоль ограждения, Анна закрепила марки. Затем прошли торец и пристройку. Полный цикл занимал шесть минут; пока головка прибора вращалась, она снимала швы и измеряла раскрытие трещин.

На северной стене сохранились следы старой разметки: выцветшие синие риски через каждый метр. Часть уходила под позднюю цементную рубашку. Анна счистила грязь с одной метки и увидела рядом дату, написанную строительным карандашом. Год совпадал с пожаром.

Валерий подошёл, держа две кружки чая.

— Я вчера вспоминал, — сказал он. — Раствор тогда ночью возили. Мешалки три или четыре. Жильцы ругались из-за шума.

— Вспомните хотя бы ночь и куда тянули шланг.

— Дату не скажу. Уже холодно было, до пожара или после

— где-то рядом. — Валерий показал на площадку, теперь перекрытую плитами. — Шланг тянули сюда, под пристройку. Утром всё вымыли. Я ещё подумал: первый раз строители за собой грязь убрали.

— Вы полиции это рассказывали? — спросила Анна.

— Вчера фамилию спросили, про стройку нет.

— Если Данилов позвонит, расскажите ровно то, что помните. Не подбирайте дату.

— Я не дурак.

— Поэтому и говорю.

Валерий протянул Егору вторую кружку. Анна отказалась: в перчатках была цементная пыль. Возле нижней части шва она заметила три круглых пятна, похожих на заделанные отверстия от инъекционных пакеров. Раствор не просто выливали сверху — его нагнетали внутрь под давлением.

Она сняла масштаб, не комментируя. Березин закончил разговор и направился к ним.

Березин всё время находился рядом. Разговаривал по телефону, отдавал рабочим распоряжения, но не уходил дальше двадцати метров. Когда Анна приблизилась к синеватому раствору, который заметила в понедельник, он завершил разговор.

— Там ничего нет. И прежде чем спросите: грунт проседал, примыкание усилили раствором. Марку через двена-

дцать лет я вам не назову, журнал ищите у заказчика.

— Я ещё не успела задать ни одного вопроса.

— Заказчик забрал архив у города по вашему запросу.

Березин прищурился.

— Быстро работаете.

— Иногда.

— Тогда быстро закончите обследование. Дом пустой, сети отключены. Опасность одна — если кто-то лезет туда, куда не просят.

— Это угроза?

— Техника безопасности.

Он отошёл к фургону.

После фасада их пустили в подвал первого подъезда. Здесь было сухо, на трубах лежала старая пыль. Стена в сторону пристройки выглядела сплошной. Анна прошла вдоль неё с молотком: бетон отвечал плотным звуком, только у самого пола два участка гудели ниже.

— Пустота? — спросил Егор.

— Может быть отслоение штукатурки. Без вскрытия не скажешь.

— А красная пометка была примерно здесь?

— На плане — ниже и правее. Масштаб искажён.

Она отметила точки, но не стала задерживаться. Полицейский следил от двери, Березин прислал рабочего «проверить освещение».

В офис вернулись после четырёх. Сервер всё ещё был от-

ключён от обмена, поэтому Егор собрал облако точек на отдельной станции. На экране дом возник серой сеткой: фасад, лестницы, контур подвала. Анна наложила старый план.

Сначала всё совпало. Потом она убрала автоматическое выравнивание и выставила три опорных угла вручную. Пристройка сдвинулась относительно чертежа.

— Ещё раз, — сказал Егор.

Они повторили привязку по другим маркам. Результат остался тем же. Наружная стена пристройки проходила там, где должна. Внутренняя стена подвала тоже. Между ними не хватало полосы шириной от двадцати четырёх до тридцати пяти сантиметров. На одном участке полоса расширялась почти до метра, но там данных было мало.

— Старый план врёт, — сказал Егор.

— Или показывает не ту стену.

— Тридцать сантиметров — это шов, отделка, кривые руки геодезиста.

— А метр?

— Наши кривые руки. Мы не прошли пристройку изнутри.

Он попробовал свести облака по оконным проёмам, затем по углам цоколя. Полоса меняла форму, но не исчезала. Анна открыла сырые данные и проверила время каждого скана. Пропусков не было.

— Если там коридор, почему мы не слышали пустоту из подвала? — спросил Егор.

— Потому что между нами бетон. Или коридор залит.

— Чем?

Она вывела на второй экран фотографию круглых заделок.

— Через такие отверстия нагнетают раствор. Для укрепления грунта, заполнения пустот, остановки воды.

— Или для того, чтобы никто не нашёл дверь.

— Не придумывай цель раньше конструкции.

Егор откинулся в кресле.

— Это ты сейчас себе или мне?

Анна не ответила. Он снял очки, протёр их краем рубашки.

— Данилов сказал что-нибудь про телефон?

— Его включали в июне и августе.

Рука Егора остановилась.

— После реки?

— Да.

— Может, нашли.

— Может.

— Дима ставил на экран контакты для возврата?

— Нет.

— Тогда нашедший мог не знать, чей он.

— Зато знал пароль и вчера положил его рядом с Ириной.

Егор надел очки. Больше версий не предложил.

Анна включила срез по высоте. Аномалия тянулась ниже уровня пола подвала, к подземной части незаконченного

торгового центра. Красная черта на анонимном плане проходила через её середину.

Она позвонила Данилову и отправила снимок экрана.

— Это доказывает наличие помещения? — спросил он.

— Нет. Доказывает, что фактический контур не совпадает с переданным нам планом.

— Причина может быть обычной?

— Может.

— Березин знал, что вы это найдёте?

На ручке футляра остался след грязных пальцев.

— Его люди пытались увезти сканер до начала работы.

Данилов помолчал.

— Ничего не вскрывайте. Завтра пришлю человека за копией данных.

Анна закончила разговор. Егор увеличил серую полосу.

На экране она выглядела не стеной и не коридором — местом, о котором чертёж предпочёл промолчать.

Перед сохранением Анна подписала слой нейтрально: «расхождение контура». Егор предложил «тайная комната», но шутка вышла без голоса. Они сделали две независимые копии, одну запечатали для Данилова. Вторую Анна положила во внутренний карман, хотя ещё вчера оставила бы её в футляре сканера. Чужие руки уже дважды тянулись к их данным. Третьего раза она ждать не собиралась.

Перед уходом она проверила пломбы и серийный номер прибора. На розовой ленте осталась складка от пальца рабо-

чего, дальше тот не добрался. Егор закрыл футляр и впервые за день не предложил нести его. До машины они шли по разные стороны, удерживая каждый свою ручку.

Глава 6

Данилов позвонил, когда Анна сворачивала накопители в антистатические пакеты.

— Вы знаете Николая Ветрова?

— Только имя. Муж Ирины.

— Бывшим он стать не успел. Приезжайте в отдел, если можете. Нужно уточнить один снимок.

— Снимок Дмитрия?

— Я сказал: один снимок.

Было почти семь. За окнами офиса августовский свет ещё держался, но в коридорах уже выключили половину ламп.

— Буду через двадцать минут.

Егор предложил отвезти её. Она отказалась и попросила закрыть копии скана в сейф. Он хотел что-то сказать, затем лишь поднял связку ключей, показывая, что понял.

В машине Анна нашла старую записку о пожаре. Архив городской газеты открывался плохо; вместо половины фотографий были серые квадраты. Текст занимал шесть абзацев. Причиной назвали неисправный обогреватель, погибшей — хозяйку квартиры Ирину Ветрову. Муж не пострадал, потому что «на момент возгорания отсутствовал». Соседи эвакуировались самостоятельно.

Под заметкой шёл короткий материал об исчезновении ночного зрителя Григория Лемешева. Полиция рассмат-

ривала бытовые версии. Фотография мужчины была маленькой: куртка застёгнута до подбородка, взгляд в сторону. Лидия унаследовала его тяжёлую линию бровей.

Две новости вышли с разницей в восемь дней. Автор у них был один, и последняя фраза повторялась почти дословно. «Оснований связывать происшествие с ведущимися рядом строительными работами нет».

Анна сохранила страницы. Возможно, журналист просто использовал ответ одной пресс-службы. Но кто-то уже тогда счёл нужным развести пожар, исчезновение и стройку по разным углам.

У следственного отдела стоял тёмный универсал с треснувшим задним фонарём. Мужчина за рулём курил, выпуская дым в приоткрытое окно. Когда Анна прошла мимо, он повернул голову. Взгляд задержался на ней дольше, чем у случайного человека.

Данилов встретил её у дежурной части.

— Почему меня вызвали?

— Ветров утверждает, что видел мужчину рядом с Ириной. Из нескольких фотографий выбрал вашего мужа.

— Когда видел?

— Это и пытаемся установить.

Он провёл её в кабинет. На столе лежали шесть распечатанных мужских портретов одинакового размера. Дмитрий был на четвёртом, фотография с пропуска: короткая стрижка, спокойное лицо, серый фон. Остальных Анна не знала.

— Подборка корректная? — спросил Данилов. — Нет человека, который резко отличается возрастом или внешностью?

Анна просмотрела ряд ещё раз. Все мужчины от тридцати пяти до сорока пяти, тёмные волосы, похожая форма лица.

— Корректная.

— Подпишите оборот, что узнали мужа на номере четыре. Не ставьте отметок на лицевой стороне.

Она подписала. Данилов убрал фотографии в папку.

Подпись не подтверждала рассказ Николая, только место Дмитрия в ряду. И всё-таки впервые за полгода Анна написала фамилию мужа не под просьбой искать его, а под документом, который привязывал его к чужой смерти.

Когда папка закрылась, лицо Дмитрия исчезло вместе с остальными. За полгода этот снимок успел побывать в поисковых ориентировках, новостях, социальных сетях. Николай мог узнать не мужчину возле Каштановой, а фотографию, которую недавно видел. Ровная подборка не могла отделить одно от другого.

— Где Ветров утверждает, что видел Дмитрия?

— Возле Каштановой — это единственная часть, которую он повторяет одинаково. Остальное сначала проверим, поэтому пересказывать его историю я не буду. Мне от вас нужно другое: Дмитрий когда-нибудь встречался с Ветровым или мог знать Ирину по работе?

— Насколько мне известно, с Николаем — никогда. Про

Ирину вы уже спрашивали. Я не знаю.

Данилов достал пустой лист, но писать не стал.

— Ветров утверждает, что Дмитрий помог ей исчезнуть. Подтверждений этому пока нет; это его слова, а не установленная связь.

Слова не вызвали потрясения сразу. Они встали в ряд с сетевыми регистрациями телефона, старой учётной записью и сообщением возле тела. Анна увидела конструкцию целиком и первым делом нашла слабый узел.

— Если Николай считал Ирину живой, почему двенадцать лет молчал?

— Именно поэтому его объяснения сначала проверим, а потом будем пересказывать. Не наоборот.

За дверью слышались голоса. Один стал громче:

— Я всё сказал. Или задерживайте, или верните ключи.

Данилов поднялся.

— Оставайтесь здесь.

Он вышел. Анна подошла к окну. Тёмный универсал всё ещё стоял у входа, теперь пустой. На заднем стекле виднелась выцветшая наклейка рыболовного магазина.

Дверь кабинета открылась через несколько минут. На пороге стоял тот самый мужчина. Вблизи он выглядел старше сорока семи: кожа под глазами рыхлая, на переносице старый белый шрам. Он держал ключи так крепко, что бородака одного вошла в ладонь.

— Савельева?

Анна не ответила.

— Ваш муж где?

Данилов появился за его плечом.

— Николай Андреевич, разговор окончен.

— У меня к ней один вопрос.

— Зададите через следователя.

— Он забрал мою жену. Теперь она лежит мёртвая, а вы опять бумажки заполняете.

— Выйдите в коридор.

Николай не сдвинулся. Смотрел на Анну, будто Данилова рядом не было.

— Дима вам рассказывал про неё?

— Нет.

— Про пожар?

— Было в документах по дому.

— Не в документах. Как он её вывез.

— Откуда вы это знаете?

Николай качнул головой.

— Вот. Уже знаете, что не всё вам говорил.

Данилов взял его за локоть. Николай дёрнулся, но вышел.

Анна слышала спор у дежурной части, затем хлопнула входная дверь.

— Он опасен? — спросила она, когда Данилов вернулся.

— Не встречайтесь с ним одна.

— Это не ответ.

— Это инструкция, которой достаточно.

— Он напал на Ирину до пожара?

Данилов задержался у стола.

— В старом деле есть показания соседей о ссорах. Заявлений Ирина не подавала.

— Значит, подозрение в нынешнем убийстве у вас есть.

— У меня есть человек, который двенадцать лет считал жену мёртвой, а теперь пришёл с рассказом, меняющимся при каждой проверке. Остальное проверяется.

— Почему он выбрал Дмитрия?

— Говорит, узнал. Но фотографию вашего мужа он видел в февральских публикациях, а остальной рассказ уже менял. Мы проверим источник узнавания без вашего участия.

Папка с портретами оставалась закрытой. Анну интересовало уже не лицо, а то, какую историю Николай к нему пристегнул.

Данилов собрал листы.

— И ещё. Ваше рабочее назначение изменили из записи мужа. Вы знали?

— Котов был при проверке.

— Я спрашиваю не об этом. Вам раньше приходили странные назначения, файлы, сообщения от его имени?

— Нет.

Голосовое в закрытой папке снова стало тяжёлым предметом. Анна сказала себе, что оно пришло с настоящего номера до исчезновения и к вопросу не относится.

— Если вспомните — звоните.

Данилов проводил её до выхода. На ступенях пахло дымом. Универсала не было.

Анна дошла до своей машины и увидела Николая у водительской двери. Он стоял в тени дерева, сигарета светилась в пальцах.

Она остановилась в пяти метрах.

— Данилов сказал не разговаривать с вами.

— Он двенадцать лет назад тоже много говорил.

— Отойдите от машины.

Николай бросил сигарету, растёр подошвой.

— Я Ирку сразу узнал у автовокзала. Волосы перекрасила, очки надела, а шла так же — левую ногу разворачивала.

— Когда?

— В субботу. Или в пятницу, раз ему так записалось. Я не календарь, три дня прошло. Возле касс это было. Она села в такси, я поехал следом на своей машине, у старых гаражей потерял. Потом увидел её у дома — в тот же вечер или на следующий. Какая разница? Она была жива. Ваш тоже.

— Значит, к Каштановой вы приехали уже без такси. Зачем?

Он провёл языком по губе.

— Дом сносить начали. Хотел посмотреть. Я имею право прийти туда, где жил.

— Вы говорили про восемь вечера. В воскресенье с семи до девяти шёл ливень.

Николай посмотрел на сухой асфальт под ногами.

— Я сидел в машине, потом вышел, когда дождь кончился. Могло быть позже. Мужчина придерживал Ирине дверь — со спины рост ваш, тёмная куртка. Лица я не видел и минуты не засекал. Увидишь покойника на улице — сам часы забудешь.

— Вас расселили оттуда двенадцать лет назад.

— Не ваше дело.

Так звучал первый честный ответ. Он не мог объяснить свой маршрут, не признав, что ждал Ирину или следил за ней заранее.

— Лица не видели, но назвали Дмитрия. Вы встречали его хотя бы один раз двенадцать лет назад?

Николай шагнул ближе.

— Я его не встречал. Я его запомнил. После пожара он торчал во дворе и ждал, пока вывезут тело. Потом уехал. А через месяц мне позвонили. Женщина молчала. На фоне он сказал: «Хватит». Я этот голос слышал в ваших интервью после реки.

— Почему вы не рассказали полиции?

— Что? Что мёртвая жена мне молчит? Они бы меня закрыли.

— Вы знали, что похоронили не Ирину?

Николай отвёл взгляд. Впервые за разговор.

— Я знал, что что-то не так.

— Это не одно и то же.

— Не стройте из себя следователя. Спросите лучше, по-

чему ваш муж двенадцать лет знал, где она.

— Откуда вы знаете, что знал?

Он понял, что сказал лишнее. Потянулся к ручке её машины.

— Покажу. Садитесь.

Анна нажала кнопку блокировки, хотя двери уже были закрыты.

— Отойдите.

— Вы хотите найти мужа или защищать?

— От машины отойдите.

Николай положил ладонь на крышу. В свете фонаря его ногти были забиты чёрной грязью.

— Ирина вернулась не к вам и не ко мне. Она пришла за тем, что ваш Дима спрятал в доме. Он её убил, а телефон оставил вам. Вы у него всегда были умная. Вот и думайте.

За дверью отдела появился дежурный. Николай убрал руку, отступил.

— Завтра позвоню. Если Данилову скажете, ничего не получите.

Он ушёл через двор, не к дороге, а за соседнее здание. Анна села в машину и сразу набрала Данилова.

— Николай был у моей машины. Говорит, видел Ирину возле дома и мужчину, похожего со спины на Дмитрия. Обещал показать, откуда знает об их связи.

— Где он сейчас?

— Ушёл в сторону двора.

Данилов коротко выругался, велел заблокировать двери и ждать. Через несколько минут из здания выбежали двое сотрудников.

Один обошёл двор, второй проверил проезд между гаражами. Николая не нашли. Данилов вышел без куртки, открыл пассажирскую дверь машины Анны и сел боком, оставив ноги снаружи.

— Он касался вас или машины?

— Меня — нет. Положил ладонь на крышу, тянулся к ручке.

— Ничего не протирайте, сейчас снимут следы.

— Вы его отпустили.

— Удерживать оснований не было. Теперь есть нарушение предписания не приближаться к вам, но это не даёт права запереть его навсегда.

— Он сказал, что Дмитрий знал, где жила Ирина. Доказательств не показал. Вы считаете, он врёт?

— Пока это только его утверждение. Не превращайте его в доказательство потому, что оно подходит к телефону. Ветров выбирает правду кусками; такие люди опасны именно тем, что половина каждого рассказа у них может подтвердиться.

Криминалист начал обрабатывать ручку и крышу. Данилов попросил Анну пересест в служебную машину и повторить разговор под запись. Она рассказывала по порядку, стараясь не улучшать фразы Николая. Дни и места в его рассказе снова расползались, но фразу «ваш тоже» она запомни-

ла точно. О Дмитрие Николае не один раз говорил в настоящем времени. Это ничего не доказывало. Но теперь Данилову придётся установить, почему этот человек говорил как знающий.

Глава 7

В четверг утром Данилов попросил Анну привезти гарантийные документы на телефон Дмитрия. Она нашла коробку в нижнем ящике его стола. Внутри лежали чек, скрепка для сим-карты и инструкция, которую он не выбросил только потому, что на обороте записал размеры оконного проёма.

Серийный номер совпадал с тем, что полиция сняла с аппарата. Анна отметила это сама, прежде чем положить коробку в пакет.

У входа в отдел никого не было. Ночная сырость ещё держалась на ступенях. В кабинете Данилова работал эксперт из вчерашнего разговора — Артём Князев. На столе стоял телефон в прозрачном боксе, уже без задней крышки.

— Устройство вернули к жизни после серьёзной неисправности, — сказал Князев. — Порт питания меняли, аккумулятор меняли. Возможно, была вода.

— После реки? — спросила Анна.

— Это мы не устанавливаем по внешнему виду. Следов длительного погружения нет. Влага могла попасть от дождя, от падения в лужу, от чего угодно.

Он развернул бокс. На внутренней стороне корпуса была наклеена белая полоска размером с ноготь. Анна видела её на фотографии во вторник, но тогда не разобрала надпись. Теперь Князев положил рядом увеличенный снимок.

«Мобил-Сервис, 28.06, АКБ+разъём». Ниже — номер заказа.

Дмитрий исчез двадцать третьего февраля.

— Наклейка могла быть старой? — спросила Анна.

— Аппарат в тот момент был у вашего мужа четыре года. Такую модель аккумулятора начали выпускать в апреле. Серийная партия майская.

— Значит, телефон ремонтировали через четыре месяца после исчезновения.

— Телефон — да, — сказал Данилов. — Кто принёс, пока неизвестно.

— Что за сервис и кто принёс аппарат?

— Павильон возле рынка на Полевой, — ответил Данилов. — Заказ приняли без паспорта, наличными, клиент записался Сергеем. Сотрудник помнит только мужчину и каждый раз иначе называет возраст и внешность. Камеры хранят записи месяц, июнь уже стёрт.

Анна взяла увеличенный снимок за край. Почерк на наклейке был чужим. Дмитрий терпеть не мог сервисы: покупал детали сам, разбирал телефоны на кухонном столе и ругался на винты, сделанные «для одноразовой жизни». Если аппарат принёс он, значит, не располагал ни инструментами, ни безопасным местом. Если принёс другой — тот знал, что телефон стоит восстанавливать.

— После ремонта его включили с новой сим-картой? В аккаунт Дмитрия входили?

Эксперт посмотрел на Данилова, затем ответил:

— В тот же день сделали первичную настройку, вошли в систему и отключили аппарат. Следующая активность — в августе. Часть данных удалена, поэтому про аккаунт до окончания исследования говорить рано. Код, который вы сообщили, сейчас подошёл; был ли он установлен уже в июне, точно сказать нельзя.

Князев открыл на отдельном экране схему событий. Вместо содержимого сообщений там были только время и технические отметки. Двадцать восьмого июня аппарат включили в 19:43, подключили к сети магазина или соседней точки доступа, затем перезагрузили. Через одиннадцать минут он исчез из сети.

— Почему одиннадцать минут?

— Похоже на проверку ремонта и одну настройку. В тот же сеанс создали локальное правило с текстом «Не отдавай им стену», запуск — после короткого входящего вызова. Последовательность в квартире совпала: вызов разбудил экран, после отбоя появился сохранённый текст. По сети его не передавали. В августе аппарат работал сначала три минуты, потом девять, вчера дольше; часть времени — без сим-карты. Базовые станции дают только район: июнь совпадает с сервисом на Полевой, августовские включения были в разных местах. Точные районы я сейчас не называю: вам они ничего не дадут.

— Мне или расследованию?

— Вам, — ответил Данилов. — Мы их проверяем.

Между отметками оставались месяцы тишины. Телефон оживал на несколько минут, затем снова становился вещью без сигнала. Так проверяют механизм перед применением: включил, убедился, что работает, убрал до нужного дня.

— Номер, с которого позвонили в понедельник?

— Проверяем. Пока источник вызова не установлен. Тот, кто создал правило в июне, и тот, кто запустил его звонком, могли быть разными людьми.

— Значок часов...

— В этом случае — локальное правило. Но пиктограмма не показывает, кто его создал.

Анна согласилась. Техническая честность эксперта раздражала только потому, что не давала ни одной версии стать твёрдой.

Данилов забрал фотографию наклейки.

— Теперь о поездке на реку. Расскажите весь согласованный маршрут: когда Дмитрий должен был выйти, где вы его ждали и в какой момент поняли, что он пропал.

Переход оказался слишком резким, но Анна ответила по порядку.

— Он заночевал на базе, утром вышел от Верхней Туры. Из-за короткого февральского дня двадцать восемь километров разбил на два дня, с одной ночёвкой на маршруте; в понедельник к вечеру я должна была забрать его у старого моста. Связи на реке почти нет, он предупредил заранее. К

согласованному времени Дмитрий к мосту не вышел. Я ждала, звонила ему, потом хозяйину базы и попросила проверить стоянку. Машина оставалась у старта. Начался ливень. Только тогда я обратилась в МЧС.

— До этого телефон тоже не отвечал?

— С воскресенья. Но до понедельника это не было нарушением плана: он сам сказал, что на маршруте связи не будет.

Данилов сделал пометку.

— Что нашли поисковики?

— Пустой каяк ниже порога, за поворотом. Одну половину весла — на отмели, вторую не нашли. Гермомешок был привязан к каяку; внутри запасная одежда, аптечка, еда, а во внутреннем кармане — ключ от машины. Спасательный жилет лежал под кормовыми резинками, оранжевый свисток оставался на левой плечевой лямке. Я его покупала. Всё сфотографировали и упаковали, но отдельно влажность жилета и свистка тогда не проверяли — искали человека в ледяной воде.

— Он умел держаться в такой воде? Знал этот участок?

— Плавал достаточно хорошо, участок проходил дважды, один раз со мной. Но после ливня течение усилилось, вода была холодная. На тренировке он переворачивался. На маршруте — нет.

Перед глазами возникла мокрая носовая петля, за которую Анна держала каяк у берега. Дмитрий смеялся, выливая

воду из кокпита, и говорил, что порог шумнее, чем опаснее. Тогда их вынесло к камням, он вылез первым и удержал лодку для неё.

— Кому ещё он рассказывал и кто видел старт?

— Егору, возможно Виктору Павловичу. Поездку он не скрывал. На базу приехал вечером, заплатил наличными за гостевой домик. Хозяин знал его не первый год; утром услышал, как открыли ворота, но сам не выходил. Получается, старт никто не видел.

Анна знала этот ответ с февраля. Тогда отсутствие свидетеля выглядело досадной пустотой. Сейчас Данилов произнёс его так, будто пустота имела форму.

— Каяк был личный, — добавила Анна. — Дмитрий купил его после нашего первого совместного сплава и возил на крыше машины. Документы на базе у него не спрашивали: хозяин знал его.

Каждый обычный ответ убирал одну проверку личности. Дмитрию не требовалось никого обманывать, чтобы оставить машину, взять лодку и исчезнуть из поля зрения.

— Перед поездкой он снимал деньги?

— На бензин и базу всегда брал наличные, около десяти тысяч. Крупных снятий с общих счетов полиция не нашла. К рабочему счёту у меня доступа не было — это вы сейчас хотите услышать?

Анна поставила пакет с коробкой на стол.

— Вы проверяете не телефон. Вы заново проверяете ис-

чезновение.

— Появились новые обстоятельства.

— Вы считаете, Дмитрий инсценировал гибель.

Данилов не отвёл взгляд.

— Я считаю, что его аппарат ремонтировали в июне. Из этого не следует, кто был жив.

— Но вы спрашиваете про деньги, маршрут и снаряжение.

— Потому что хороший поиск начинается не с версии, а с проверки, мог ли человек сделать то, что ему приписывают.

— Он не бросил бы меня на полгода.

Фраза вырвалась раньше, чем Анна успела придать ей форму факта. Данилов не воспользовался.

— Принесите выписки по общим счетам и список вещей, которых не нашли после исчезновения. Не сегодня. К завтрашнему утру.

— Дело о розыске возобновили?

— Оно не закрывалось.

Князев убрал телефон в сейф-бокс. Сквозь прозрачную стенку царапина на чехле казалась глубже.

На выходе Анна столкнулась с Котовым. Он нёс коробку из архива и поздоровался на ходу.

— Лейтенант, — окликнула она. — Кто ведёт проверку сервиса?

— Мы.

— Заказ выдавали двадцать восьмого или приняли?

Котов остановился.

— Приняли двадцать шестого, выдали двадцать восьмого. Зачем?

— Человек приходил дважды. Разные сотрудники могли его видеть.

— Уже опросили обоих.

— И?

— Один помнит кепку. Второй — что клиент забрал телефон перед закрытием. Цвет кепки у них не совпал. — Котов сдвинул коробку на другое плечо. — Данилов прав: не подменяйте нас.

— Я исправила ваш вопрос.

— Мы его задали до вас.

Он ушёл. Анна почувствовала не обиду, а облегчение. Они действительно проверяли.

В машине она позвонила матери и наконец сказала, что телефон нашли. Мать молчала так долго, что Анна подумала о разрыве связи.

— Значит, он жив? — спросила она.

— Это значит, что телефон не был в реке.

— Ты опять говоришь как на работе.

— По-другому сейчас нельзя.

— Можно приехать к тебе.

— Не надо.

— Аня, ты не обязана одна...

— Мам, не надо.

Она отключилась и сразу пожалела, но не перезвонила.

Вместо этого поехала в гараж, где Дмитрий хранил туристическое снаряжение.

Гараж полиция осматривала в феврале. На двери до сих пор оставался след от их пломбы. Анна открыла замок, включила свет. На стеллажах стояли подписанные контейнеры: «верёвки», «газ», «ремонт», «зима». Дмитрий не доверял памяти там, где можно было наклеить этикетку.

Она начала с верхней полки. Два спальных мешка. Палатка. Запасной тент. Коробка с горелками. Всё, что значилось в её февральском списке, лежало на месте или было найдено в гермомешке.

На стене висела фотография с их первого совместного сплава. Дмитрий приколол её канцелярской кнопкой рядом с таблицей узлов. Анна стояла по колено в воде и ругалась, потому что он снимал вместо того, чтобы тянуть лодку. В кадр попали её поднятая рука, перекошенный каяк и его тень.

Она сняла фотографию, перевернула. На обороте Дмитрий записал место и высоту воды. Даже память у него имела отметку уровня.

Анна вернула снимок точно под кнопку. Полгода она не позволяла себе назвать его погибшим без тела. Теперь боялась произнести другое: ушёл. Смерть оставляла любовь неизменной, только без адресата. Добровольное исчезновение превращало каждый их разговор в возможную подготовку.

В ящике с верёвками лежала красная стропа, которой по-

лиция интересовалась после находки каяка. Спасатели считали, что крепление гермомешка было сделано правильно. Дмитрий не потерял груз даже тогда, когда потерялся сам. Анна провела пальцами по жёсткой ткани и закрыла ящик.

Она проверила аптечку, запасную обувь, старые телефоны. Не искала конкретную вещь и потому всё время ловила себя на желании назначить уликой любой свободный участок полки. Здесь стояла сумка — мог забрать. Здесь пыль светлее — что-то передвигали. Инженерное наблюдение без исходной схемы легко становилось фантазией.

В контейнере «документы» хранились старые разрешения на маршруты, распечатанные карты и чеки. Анна нашла план последнего сплава. Двадцать восемь километров, отмечены два опасных участка, место ночёвки и запасной сход. Рядом Дмитрий карандашом написал расчёт времени. Почерк был обычным, схема — той же, которую она передала спасателям.

Она разложила содержимое на верстаке и сверила с февральской описью. Тогда ей казалось, что список нужен для поиска вещей. Теперь Данилов искал не то, что Дмитрий взял в поездку, а то, что мог забрать для другой жизни.

Две зимние куртки. Рабочая обувь. Старый ноутбук без диска — диск полиция вернула отдельно. Заграничный паспорт Дмитрия хранился в банковской ячейке, это проверяли. Туристические карты не выходили за пределы области. Ни один предмет не выглядел приготовленным для побега.

Анна злилась на себя за облегчение. Отсутствие пропажи не доказывало отсутствия плана. Наличные не занимали места на полке, чужие документы не числились в семейной описи.

Она нашла февральский экземпляр протокола осмотра. В конце стояла фамилия другого следователя. Перечень был подробным, но вопросы касались несчастного случая: состояние каяка, погода, опыт Дмитрия, возможный маршрут тела. Никто не уточнял, сколько денег он снимал, какие рабочие доступы сохранил и мог ли заранее оставить автомобиль так, чтобы его нашли.

Телефон зазвонил. На этот раз Данилов.

— Я отправил вам перечень документов. Не собирайте оригиналы одна, достаточно указать, где они находятся.

— Я в гараже. Сверяю вещи с февральской описью.

Он выдохнул, но не стал читать нотацию.

— Нашли расхождения?

— Нет.

— Тогда закройте и уезжайте. Завтра осмотрим повторно.

— Вы всё-таки считаете, что он готовил исчезновение.

— Мы проверяем новые обстоятельства. Вы называете версию раньше, чем я получил хотя бы один ответ.

— Когда собирались мне сказать?

— Когда появится результат, который можно сообщить, а не вопрос, от которого вы не будете спать.

— Я и так не сплю.

Данилов помолчал.

— Это не делает плохую версию хорошей. До завтра ничего не ищите сами.

Он отключился. На почту пришёл его перечень: выписки по счетам, договоры аренды, страховки, рабочие пропуска, сведения о сим-картах, копии ключей. Не список вещей утонувшего. Инвентаризация человека, который мог уйти по собственной воле.

Анна собрала документы обратно, проверяя каждую подпись на коробках. На верстаке оставила только план последнего маршрута и февральскую опись. Карандашная линия Дмитрия доходила до старого моста; в списке вещей рядом не было ни одного пропуска.

Глава 8

Лидия позвонила в четверг после двух.

— Вы знаете улицу Печатников?

— Да.

— Дом восемь, квартира три. Езжайте туда.

— Зачем?

— Мне позвонила хозяйка. Говорит, у неё почти одиннадцать лет снимала комнату Наталья Круглова. Утром увидела Ирину по телевизору.

Анна закрыла письмо Данилова со списком выписок.

— Вы сообщили ему?

— Я сообщила вам.

— Лидия, если в комнате вещи Ирины, это место должно осмотреть следствие.

— Они уже один раз осмотрели её квартиру. Мне хватило.

— Тогда ждите меня у подъезда и не входите.

— Я уже здесь.

В трубке щёлкнул замок.

Анна набрала Данилова, пока спускалась к машине. Он выслушал адрес, велел ничего не трогать и сообщил, что Котов будет через пятнадцать минут.

— Удержите Лидию в коридоре.

— Вы её видели. Я не удержу.

— Тогда объясните, что любое её действие подарит защи-

те повод оспорить находки.

Улица Печатников шла вдоль старой типографии. Дом во-семь был двухэтажным, с магазином тканей внизу и отдель-ным входом во двор. Лидия стояла на лестнице между по-жилой женщиной в домашнем халате и открытой дверью.

— Наконец-то, — сказала она.

— В комнату заходили?

— Я — нет. Галина Петровна заходила, она тут живёт.

Хозяйка всплеснула руками.

— А как мне не заходить? Наташа за август не заплатила. Телефон молчит. Потом по новостям лицо показали. Я чуть чашку не уронила.

— Когда вы были внутри в последний раз — и заходили ли после новостей? — спросила Анна.

— Вчера утром поливала цветы, у нас так заведено, если она уезжает. А сегодня только дверь открыла, увидела всё на месте и сразу позвонила. Ничего не брала.

— Закройте и отдайте ключ.

— Это моя квартира.

— Полиция едет.

Галина Петровна сразу запахнула халат, словно полиция могла предъявить претензию к её одежде.

— Я что, виновата? Она тихая была. Деньги всегда вовремя. Паспорт показывала настоящий.

Лидия заглядывала через её плечо. Анна встала между ней и дверью.

— Данилов просил ждать.

— Данилов двенадцать лет просит.

— Если вы войдёте, он выведет нас обеих и больше не позовёт.

— Вас-то почему должен позвать?

— Не должен.

Лидия отступила. Галина Петровна начала рассказывать без вопросов. Наталья сняла комнату одиннадцать лет назад, сначала платила помесечно, потом сразу за три. Работала с фотографиями: восстанавливала старые снимки, делала альбомы. Иногда уезжала на несколько недель. Гостей хозяйка не видела.

— Мужчины приходили? — спросила Лидия.

— Я не караулила. Один раз был, лет семь назад. В машине ждал. Наташа спустилась, поговорила и вернулась злая.

— Как выглядел?

— Через окно видела. Тёмная машина, мужчина как мужчина.

— Это мог быть он? — Лидия показала телефон с фотографией Дмитрия из поисковой ориентировки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.